

В это дело адвокат Федин ворвался всей силой своих умений, знаний, возможностей. Он боролся, рассчитывая на победу, веря в коллег. И во всем обманулся.

История эта перевернула в нем понимание чистоты профессии, вынуло из Федина все, что он по крупицам собирал, копил и ценил. Оно вынуло из него душу юриста.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Поезд мчал, взметая снежную пыль с обочин и выбираясь из синевы ночи. Федин поеживался в кресле, добирая часы, которые не долежал в кровати. Рядом сидела не то казашка, не то узбечка, на которую глянул разве что мельком. Он ехал в Москву.

Зазвонил телефон. Он резко вскочил, выскользнул из узкого проема между сиденьями и, прижимая к уху сотовый, рванул в начало вагона:

— Да, да, Никита, я слушаю.

— Ты дома? — спрашивал сын.

— Нет, я уже уехал.

— Сторышев сказал, что я пьяный...

Федина пронзило: опять Сторышев! Опять этот новый начальник районного отдела полиции, где служил Никита.

И, проглатывая ком в горле, спросил:

— А ты пьяный?

— Нет.

— Тебя отстранили?

— Еду к Астаных...

Федин вспомнил: это фамилия кадровика в городском управлении полиции.

Голос сына пропал. Федин затряс телефон. Глянув на высокие снежные склоны по краям дороги, понял: поезд оказался в недоступной для связи зоне.

Следил за прыгающими стрелочками на стеклышке сотового и нервно набирал номер сына.

Вот связь восстановилась.

— Никита! Не понял. Едешь к Астаных. А зачем?

— Вызвал к себе.

Сжался: неужели увольняют? В висках забило: «Что ж от моего сына никак не отвяжутся?!»

Вернулся в кресло. Что делать? Что?.. Не сиделось.

То ли извинившись перед соседкой, то ли нет, снова выскочил в проход.

Набрал номер начальника отдела кадров областного полицейского управления. Услышал мягкое:

— Шаталов...

Сразу выдал:

— Никиту отстранили! Вы же сказали, все будет нормально. А тут...

Связь опять оборвалась. Федин снова набрал номер и, когда вновь соединился, выпалил:

— Его вызвал Астаных...

Шаталов, вместо того чтобы успокоить, выговорил с обидой:

— Я же сказал, что нужно переводить...

— При чем здесь переводить? — чуть не закричал Федин в опять замолкший сотовый.

И уже добавил себе: «Его же увольняют».

А потом: «Но я успел сказать, что к Астаных. Это подчиненный Шаталова. Он с ним непременно свяжется. Хотя свяжется ли?»

Прошел год, как Федин познакомился с полковником Шаталовым. Сначала тот показался предельно внимательным офицером, но вскоре эта внимательность обернулась никчемной обтекаемостью: Шаталов избегал острых вопросов. И в том, чем мог помочь, не помогал, а кормил обещаниями.

Поезд несся, как бешеный, словно стараясь скорее уехать подальше от того места, где сорвался со старта в самую рань. Федин снова набирал телефон сына, сбрасывал: связи не было. И вот, искував губу, связался.

— Я был у Астаных, — говорил взволнованным голосом сын. — Он сказал: тест, который я проходил, показал, что я употребляю наркотики. «О ужас!» — чуть не вырвалось у Фебина.

Ему показалось, что его возглас разнес бы вагон.

— И злоупотребляю...

Последнее, сказанное сыном со смехом, только еще более завело.

— И посылают в полк на полиграф...

— Все-таки посылают!

Федин вспомнил, как накануне Сторышев отправил сына писать тест,

как тот несколько часов отвечал на вопросы, как Федина заверяли, что там все будет нормально, а оказывалось — ненормально. И еще тогда возник вопрос о полиграфе.

Но сын на него уже не хотел идти. Он так и сказал отцу: «Я что, преступник?»

И теперь, не зная, что и ответить, Федин лишь выговорил:

— Иди на полиграф...

Сказал и сжался.

Он вспомнил другие детали разговора с Шаталовым. Тот подчеркивал: «Если дадут заключение, что ваш сын пьет или употребляет наркотики, я уже сделать ничего не смогу». А Федин тогда выдал: «Да вы что! Он на моем дне рождения рюмки не поднял. А вы — наркотики!» Ему такое не могло и прийти в голову, а оказалось, уже были выводы теста. Выходит, Шаталов вчера все знал.

Голову ломило. Федин вспомнил коллегу Шаталова, подполковника из областного управления, которому помогал писать дореволюционную историю местной полиции. Тот как-то обмолвился, что полиграф подконтролен ему.

Но тот тоже многое обещал.

Федин набрал его номер.

— Буханов, — четко отозвалось в телефоне.

— ...сына отправляют на полиграф.

— Я все понял, — раздалось коротко.

Федин подался спиной к стенке, посмотрел на потолок. Ему оставалось только молиться.

2

Теперь он сидел в кресле, а в голове прокручивалась жизнь младшего сына. Этого мальчика, которого любил дед, прошедший финскую, Отечественную и японскую; любила бабка, ездившая за мужем по дальним гарнизонам от Уссурийска до Себежа, от Ахалцихе до Вологды, где родился сам Федин. Вспомнил, как появился его первенец, ныне удачливый коммерсант в Подмосковье, и второй сын, Никита; как упустил возможность назвать младшего в честь деда, Ваней, чем уколол отца в самое сердце. Никита входил в жизнь тяжело. Сколько проблем возникло, когда Федин устроил его в милицию. В то время найти работу было непросто, и Федин, используя свои связи по прошлой службе, добился назначения Никиты участковым в районном отделе.

Его сразу начал третировать начальник службы участковых Першин. Он требовал от Никиты: «Пиши заявление на увольнение». Федин не мог понять, чего хотел подполковник: то ли сын чем-то ему насолил, то ли достал упрямством (водилось за ним такое), то ли высказывался честно, невзирая на чины. Руководители этого не любят. Федин познакомился с начальником райотдела милиции полковником Тимохиным, и тот стал опекать молодого лейтенанта, но Першин давил Никиту даже тогда.

Вспомнил слова Тимохина: «Ведь не пьет, не курит, работу делает. Ну есть репы, но у кого их не бывает».

Першин, как мог, пакостил Никите. Через голову Тимохина приказом по городскому управлению умудрился добиться, чтобы объявили Никите замечание, о чем с неопишуемой радостью на лице сообщил:

— Звание не получишь...

Никита год переходил лейтенантом. Когда на милицию свалилась реформа — ее преобразовывали в полицию, — Никита снова повис в воздухе: Першин отказывался брать его в участковые. Но все-таки Тимохин успел перевести Никиту в дежурную часть, и он оказался в полиции.

Федин посмотрел на циферки в окошечке сотового телефона: «Уже 13 часов. Как он там? Как полиграф? Неужели выдаст черт-те что?»

Поезд скрипел на изгибах, стучал на стрелках. Федин смотрел на блестящие белые просторы. Невольно вспоминал, как случилось ЧП в райотделе полиции, как сняли и отправили в соседний Заводской отдел Тимохина заместителем, как на смену ему перевели полковника Сторышева. И надо же было Тимохину позвонить Никите: «Я тебе место участкового нашел». Знал желание старшего лейтенанта вернуться на эту службу.

Никита загорелся, написал рапорт, с подачи Тимохина подписал у начальника Заводского отдела, пришел к Сторышеву. Тот прочитал и сказал: «Я тебя не отпущу». Но Никита упорствовал. Тогда Сторышев: «Хорошо. Подожди, я напишу на тебя характеристику». Никита дождался характеристики, а когда прочитал, ужаснулся: «С ней и в тюрьму не возьмут!» Но Никита, наивная душа, подписал рапорт у Сторышева и отдал с характеристикой кадровикам на подпись генералу.

Областным управлением полиции руководил переведенный с Кавказа генерал-лейтенант Сусоев.

К тому времени Федин уже познакомился с полковником Шаталовым, который свел его с подполковником Бухановым. По заказу Буханова кроме истории местной полиции он написал рассказ о собровце-орденоносце и теперь попросил подстраховать с переводом сына.

Буханов заверил: будет все нормально.

Шаталов: не волнуйтесь.

Шаталов подстраховал по полной программе. Понес рапорт генералу с характеристикой.

Как Федин понял, Шаталов боялся, как бы Сторышев, случись что, не свалил на него: «А я сигналил о лейтенанте раньше. Писал характеристику». Хотя сам без году неделя был начальником и не мог знать сотрудника. Тем более знать что-нибудь плохое о том, о ком прежний начальник был хорошего мнения.

Генерал прочитал характеристику и на рапорт наложил визу: «Представить к увольнению».

А на следующий день на коллегии областного управления негодовал: — Вот кого у нас переводят в участковые!

Узнав от Шаталова жуткую новость (свое участие тот умалчивал), Федин почувствовал, что земля уходит из-под ног. Заметался: что делать? Он уже узнал о чужаке-генерале много неожиданного: тот часто принимал непредсказуемые решения.

Теперь Федин, мечась по вагону, вытаскивал сотовый, набирал номер сына и на последней цифре сбрасывал. Он хотел услышать голос Никиты и вместе с тем боялся помешать. Вдруг тот отвечает на вопросы на полиграфе. Звонить Шаталову считал бесполезным. Буханова лишний раз тревожить не хотел. Его неумолимо уносило все дальше от того места, где происходило что-то непонятное с сыном.

В чем-то Никите повезло: генерал сразу после коллегии ушел в отпуск. Шаталов обещал не пускать рапорт в ход. Федин понимал, что у него мало времени, и искал выход.

Он позвонил заместителю начальника редакции МВД, полковнику-однофамильцу:

— Происходит что-то, — говорил Федин спешно. — Сын написал рапорт о переводе. Да, он у меня в полиции. А генерал вместо перевода написал на рапорте: уволить. Да, такое бывает! Рапорт подписал его непосредственный начальник, но приложил плохую характеристику. Сам без году неделя в кресле, а написал такое, чего не может быть...

Однофамилец спросил:

— У вас есть телефон руководителя пресс-службы управления?

— А зачем?

— Она была у нас на совещании. Я позвоню сначала ей и проясню ситуацию.

Федин вспомнил, что генерал, переводясь к ним в город, привез с собой руководителя пресс-службы. Давно заметил особенность генералов иметь при себе молодых журналисток. Быстро через знакомых нашел ее номер и передал.

Уже вечером позвонил в редакцию и услышал: «Она сказала, что был такой случай. Он стал даже предметом обсуждения на коллегии. Генерал у них строгий. И будет трудно повлиять на него. Но пока он и она в краткосрочном отпуске».

Федин скривился: «Небось отдыхают на пару».

Однофамилец пообещал: «Вы выясните, когда генерал выходит, я ему позвоню. Это же не дело: вместо перевода увольнять».

Федин хотел надежнее застраховаться и попросил познакомить его с заместителем генерала по кадрам полковником Никишиным, которого тоже с Кавказа привез с собой Сусоев. Федина поразило, как полковник, с которым встретился на порожках больницы, выслушал и с ходу сказал: «Я постараюсь помочь. По крайней мере, попрошу приостановить увольнение».

Федин поблагодарил. Он понимал, что сына могут уволить и до выхода генерала: Шаталов обещание мог не выполнить. Теперь отслеживал, появился на службе генерал или не появился, и успокаивал Никиту: «Работай».

И вот Федин узнал: генерал вышел... В следующую минуту он звонил однофамильцу в объединенную редакцию. Боялся упустить драгоценное время. Генерал мог спросить: «Как исполнено мое указание?», и ему бы мигом подсунули приказ об увольнении.

Уже через полчаса однофамилец перезвонил:

— Не волнуйся. Я связался с генералом. Только представился, как генерал сказал: «Я догадываюсь, о чем вы хотите говорить. Видимо, мы погорячились».

Федин с облегчением вздохнул и подумал: «Наверное, начальник пресс-службы доложила о звонке из МВД, и генерал понял свой промах».

Тогда увольнение удалось погасить. Но сыну не без хлопот Сторышева влепили «неполное служебное». Теперь, чтобы перевестись, надо было снять наказание.

Федин снова набрал телефон. Сын не ответил. А потом сам перезвонил:

— Я у нарколога...

— Какого еще нарколога?! — Федин опять вскочил. Он хотел узнать о полиграфе, а Никита оказался у врача.

Но тут связь оборвалась.

Федин слонялся по узкому коридору, снова и снова набирал номер, но телефон, как назло, молчал. Толком не знал, что происходит с сыном, почему тот уже у нарколога, и зверел от бессилия, и ощущал острую ненависть к Сторышеву, генералу, Першину.

Но вот дозвонился. Боясь сказать что-то лишнее, забыл спросить про полиграф. Сердце стучало, как молот, а он ничего не мог сделать.

Откинулся на спинку кресла, доверившись судьбе.

4

Уже в Москве, стоя на перроне, позвонил:

— Ну как там дела, Никита?

Этот разговор для него казался особенно важным. Он уже мог предположить что угодно: что его сына упекут в лечебницу, что наденут наручники, но Никита сказал:

— Врача не дождался... Скоро Новый год, ушли...

— А полиграф?

— С него сняли.

— Почему?

— Говорят, я сонный...

— Еще бы! Так мотать человека...

— Им нужно, чтобы я был бодрым.

— Ну да, да, — сказал отец, толком ничего не понимая. — Ты где?

— Я дома... Завтра утром полиграф...

— Ну, отоспись, отоспись...

«И никаких!» — хотел прикрикнуть Федин, боясь, как бы сын не совершил глупостей.

Переночевал у старшего сына-коммерсанта в Одинцово. О проблемах брата не говорил, а рано утром поехал на электричке в столицу, потом на метро до станции «Войковская». Шел по снежной каше, в которую превратились улицы города, до Академии МВД. Нашел там давнего знакомого, который в бытность редактором журнала «Милиция России» — а потом «Полиция России» — печатал его рассказы. Тот выслушал и сказал:

— Тут, видишь ли, медицина... Тебе поможет только Сергей...

— Кто это?

— Редактор нашего медицинского «Вестника».

Сразу позвонил ему:

— Прими...

А Федину посоветовал:

— Ты поспеши. Ведь праздники...

Федин не шел, а бежал на «Войковскую», оттуда ехал на «Дмитровскую». Чавкая обувью в размякшей массе, преодолел несколько пустырей до кирпичного четырехэтажного дома, красная стена которого виднелась впереди. Его встретил Сергей. Федин рассказал о проблемах с сыном и закончил:

— Провели тест и сказали, что у него склонность к алкоголю и наркотикам.

— Вот это да! — редактор оглядел гостя.

— Это вранье! — резко заключил Федин. — Наговор.

— Все понятно, я позволю одному человеку: он командует этими тес- тами...

Федин услышал, как Сергей говорил кому-то:

— Да тут на сына нашего автора... Что пьет, наркоман, а отец заве- ряет, что этого нет... Наезд начальника, который хочет его уволить.

— Да, да, как верно вы сформулировали!

В голове Федина пронеслось, как после неудавшегося «перевода» Сторышев наехал на сына: «Все равно уволю!», как лишал его премий (всех своих поощрял!), как порвал представление на снятие взыскания (сына лишали денег за «неполное»), как рвал рапорты на перевод и на отпуск и кричал: «Тебе неделя! Не уйдешь — найду за что и уволю!», как врывался в кабинет к сыну, пытаясь на чем-то поймать, и как Федин, не выдержав, пришел к полковнику Никишину и излил всю горечь. Послед- ними его словами были: «Я не мог и подумать, что так могут издеваться над человеком». Никишин осторожно сказал: «Я все понял». — «Так что мне делать? Он же через неделю сына...» — «Через неделю его самого не будет».

Федин счастливым вышел из кабинета заместителя генерала.

В районный отдел полиции нагрянула проверка, все заговорили, что часы Сторышева сочтены. Сторышев как бы сдался: подписал Никите рапорт на отпуск сразу после новогодних праздников. Но... Сторышев усидел. Как Буханов сказал: «Если бы был простой начальник, вылетел». И не прошло и недели, как сына погнали на тест. А по тесту он оказывал- ся алкоголик и наркоман.

— Обещал вникнуть и сказал: пусть отец не переживает, — успоко- ил Сергей.

Федин вышел обнадеженным. Но сомневался: сколько раз ему обеща- ли одно, а выходило другое. И только тут заметил, как промочил на ули- цах ноги: его сапоги протекали.

Позвонил знакомый из Академии:

— Если хочешь, я попрошу провести журналистское расследование...

— Ой, только без этого! На крайний случай, если уж будет совсем худо...

Переминаясь, набрал номер сына, хотел поделиться радостью и обод- рить, но номер не отвечал. Вернулся к старшему сыну в Одинцово, еле дождался вечера. Уединился.

— Никита, ну как?

— Говорят, все нормально...

— Что нормально: что пьешь, что колешься? — говорил, боясь услы- шать страшную новость. Знал, что наркоманы начинали колотья и ку- рить втайне от родителей. Такое становилось полной неожиданностью для отцов и матерей.

Но сын засмеялся:

— Да шиш им!

У Федина отлегло от сердца. Он готов был сказать сыну: «Да бросай ты эту полицайку!» — но промолчал: теперь надо ждать заключения, и его сына никто не уволит.

— Так что со службой?

— Поставили дежурить 31 декабря...

— Только не пей! Ни грамма! Может быть подстава! — уже кричал в трубку Федин, понимая, что его могут подловить на другом.

Новый год Федин встретил с женой в Москве. Они вернулись домой только после Рождества.

Обнявшись с сыном, Федин спросил:

— Так я не понял: как все произошло тогда?

— Когда?

— Когда отстранили...

— Только заступил, пришел Сторышев и сказал: «Ты пьяный». И даже колюсь, наркоман. И заму: «Вези на освидетельствование». Повезли в наркодиспансер. Там женщина дает трубку: «Дуй». Я дунул. Она показывает заму: «Видите, трезв». Он не верит своим глазам. Мочу сказали сдать. Я сдал. Я не боялся: я же знал, что не пьяный. Не колюсь...

— А что это у тебя? — заметил сыпь от щеки к уху.

— Да это от камеры... Там же кого не бывает...

— Лечишь? — понимал, с кем имеет дело его сын.

— Мазью мажу...

— Лечи, — отцу не понравились пятна на коже.

— В общем, унизили меня по полной программе. А все в отделе удивляются: что это на меня наехали, знают же, что не пью. Не наркоман.

Сказал и засмеялся:

— Три года при Тимохине работал: не пьяница. А тут — сразу. Я хочу подать на них за моральный вред...

— Да, ты прав...

Но на такое отец пока не отважился. Он надеялся вырвать сына у садиста-начальника без суда. Они с сыном наглотались вдоволь. Надо было уйти хотя бы в отпуск. Потом заняться переводом.

Сын ждал заключения нарколога. Там тянули. Наступило 10 января — время уходить в отпуск, а заключения нет. Отпуск откладывался. С таким трудом подписанный рапорт терял силу.

Заключение все же написали, забрали. Никита написал новый рапорт на отпуск с 1 февраля. Сторышев на этот раз не порвал рапорт:

— Подумаю...

Сын ходил на службу и ждал, когда тот подумает. А у отца ныло: да когда ж это кончится! Что, теперь и в отпуск не ходить? А зима трещала морозами, все дальше отодвигая положенный отдых.

Переводом решили заняться позже: в отделе случилось ЧП. На поборах попался подчиненный подполковника Першина, участковый. Першина уволили, участкового арестовали. Теперь Федин понял причину неприятия сына начальником участковых: он оказался чужаком и не вписывался в систему поборов, организованную Першиным. Теперь уже бывший подполковник проходил мимо Никиты с опущенной головой, а Никита протягивал ему руку: «Ну как?»

А Сторышев продолжал измываться над Никитой и многими другими неугодными сотрудниками. Федин мечтал о том времени, когда Сторышева отстранят от службы и самого повезут на медицинское освидетельствование, когда тот будет дуть в трубку и сдавать мочу, когда его пошлют на тестирование и установят склонность к пьянству и наркомании, когда тот подаст рапорт на перевод, а ему напишут резко отрицательную характеристику и вместо перевода уволят...

И все улажется с сыном, все утрясется. После написания истории дореволюционной полиции он со спокойной душой приступит к написанию истории современной.

6

Наконец-то 1 февраля Никита вырвался в отпуск и как будто все забыл, все бросил! Теперь бы расслабиться, но его погнало делать мебель, зарабатывать деньги, которыми обделял Сторышев, лишая премий, удерживая из зарплаты. Отец возражал, уговаривал сына поехать на неделю в Москву, но подвернулась новая напасть: не отпустили жену Никиты, медсестру — в поликлинике готовились к проверке.

Отец сходил к Никишину.

— Надо бы с переводом решать...

Тот:

— Пусть ко мне прибудет.

Жена и невестка волновались, что Никита пошел к полковнику в гражданке. Он боялся идти в областное управление в милицейской форме, а новую форму полицейского не выдали. Никита говорил: «Сторышев узнает, что в старой, — снова лишит премии!»

Как понял потом Федин, внешний вид вовсе не задел полковника, не задело и то, что Никита, говоря о должности участкового, обмолвился: «Там без выходных, проходных...» Все сгладил визит отца.

У них появился ориентир:

— До 28 февраля тебе позвонят.

Так сказал заместитель генерала.

Попавшийся в коридоре управления подполковник Буханов подморгнул:

— Все решено.

Теперь каждый день отец с сыном отсчитывали часы. Никто не звонил. Никита съездил в Москву на день. Там отметился и вернулся.

Все ждали звонка.

Прошел февраль, но и в начале марта никто не позвонил.

Федин хотел зайти к Никишину и напомнить о сыне, но Буханов сказал ему: «У него умер отец, и он уехал на родину». Звонить в такое время Никишину посчитал неудобным. 8 марта не выдержал и позвонил, а тот:

— Завтра переведут... Его никто не тронет... Дождутся моего выхода...

Но ни завтра не перевели, ни послезавтра, ни еще через день, а приближалось 15 марта, когда Никите выходить на службу.

— Ну, сын, держись, — позвонил Федин накануне вечером, думая, как бы новую подлянку не придумал Сторышев.

И рвалось: «Да послать эту полицайку-ментовку к черту! Сам-то до пенсии не дотянул!» Вспомнил, как, пройдя в милиции путь от заместителя начальника медицинского вытрезвителя до заместителя командира роты патрульно-постовой службы, от дознавателя до следователя, сам уволился, уже работая в областном управлении.

Сын вышел на службу. Федин ждал, когда появится Никишин, откладывал поездки по адвокатским делам и вдруг узнал: полковник уже неделю в городе. «Почему Никиту не вызывают?» — не укладывалось в голове. Прибежал в областное управление и, зайдя в кабинет полковника, стал извиняться, что названивал ему в траурные дни, хотел заикнуться о сыне, как тот опередил:

— Я дал команду его не трогать.

Федин хотел сказать: «А что с обещанным переводом?»

— Но у него на лице уже сыпь... Это от того, что там что-то... Может, и нервы...

— Так переводить? — насупился полковник.

Отец понял, что лучше заместителя генерала больше не волновать. Стало ясно, как надоел он ему с сыном.

Федин уходил как побитый. Ему была непонятна такая небрежность полковника к слову. Сам себе в бытность работы в областном управлении Федин не позволял такого.

С этой поры Федин жил в ожидании чего-то экстраординарного, ему казалось, что неминуемо что-то произойдет. И когда сын заговаривал о службе, замирал, боясь услышать, что его снова унижают. Видел, как разрастается на Никите сыпь, и гнал к врачу.

Но обрадовался, когда полковник Шаталов познакомил его с замом по кадрам начальника городского управления подполковником Астаных.

«Это тот, кто посылал сына на тест», — вспомнил Федин фамилию, разглядывая крупного, медведеподобного кадровика. Шаталов по сравнению с ним выглядел ягненком.

17 апреля позвонил сын:

— Да вот, дал три дня... Надо найти работу... Я в два места съездил...

— Я не могу! Я не знаю, к кому теперь сунуться! Я выдохся! — вырвалось в ответ у Федина.

Он не мог снова идти к Никишину, знал, что без толку идти к Шаталову и Буханову. Но спросил:

— Что там?

— Да железку Сторышев в камере нашел... Я все фонариком проверил, не было... А тут лежит...

— Может, подкинули?

— Мне говорили: не оставляй камеру открытой...

У Федина заняло под лопаткой от безысходности. В голове встало клином: «Ох уж этот Сторышев! Неужели подкинули! Опуститься до такой низости!» Внутри ответило: «Открыл Америку! Как будто не знаешь, на что способен полицейский...»

— Но ведь не могла она там так лежать, чтобы ты ее не увидел...

— Не могла, — проговорил сын заплетающимся языком. — Еду к Астаных...

— Да, да. И скажи: отец был у Никишина, он работал в милиции. Его познакомил с ним Шаталов...

7

Никита поехал к Астаных.

Подполковник:

— А я тебя переброшу. Со Сторышевым поговорю. И с Задубановым. Он в Заводском.

К тому времени полковник Тимохин уже перевелся из Заводского отдела полиции в Москву, и просить его о помощи казалось бесполезным.

Никита воспрянул духом, снова написал рапорт на перевод. Сторышев рапорт подписал, Задубанов — подписал. Только щуплая кадровичка из городского управления полиции прохрюкала:

— У тебя взыскания не сняты. И нужно на аттестационную комиссию...

На что Федин заметил сыну:

— Да пошла она...

Ему все эти закавыки уже надоели, и весомее звучали слова ее начальника подполковника Астаных:

— Надо подписать рапорт у начальника службы участковых областного управления полковника Залубанова.

«То Залубанов, то Задубанов», — отметил сходство фамилий Федин. Залубанов вспомнил что-то — и Никите:

— Неси характеристику.

Когда отец узнал об этом, у него заныло: «С характеристикой мы уже сталкивались». Но Никита:

— Мне один майор обещал: Сторышев неплохую подпишет.

Майор написал характеристику. Ее нужно было подписать. Никита ждал Сторышева, а отец ждал результата. Его нервы натянулись до предела. Временами он ослабевал и казался себе пустым мешком. И звонил Никите:

— Где ты?

— Жду Сторышева.

А тот не появлялся. Отец не находил себе места. Снова звонок:

— Где ты?

— Залубанова жду...

— Характеристика готова? — спросил Федин, боясь уточнить, что в ней.

А сын:

— Там нормально...

«Значит, Сторышев подписал».

— Жди...

И сам тоже ждал. Сидел дома недвижимо. Час прошел. Звонит:

— Ну как?

— Говорят, к семи будет...

— Жди... Надо высидеть...

Через полчаса:

— Ну?

— Пришел... И ушел к Сусоеву...

«Это генерал», — понял отец.

— Ну жди...

— Жду...

И вот:

— Где ты?

— На остановке. Еду к тебе.

Приехал.

— Вот, — подает лист.

Отец прочитал: «Согласен». Подумал: «Это Сторышев». Прочитал еще: «Согласен». «Видимо, Задубанов».

И:

«Не согласен». И мелкая подпись: «Залубанов».

— Козел! — вырвалось у Федина. — А он что?!

— Говорит: «Это у тебя вздернулись?» — «Нет», — отвечаю. — «Но все равно». Кто-то ему напел.

— Не понос, так золотуха!

В голове у Федина помутилось. В эту минуту он готов был размазать полковников по асфальту.

Потом пришел в себя:

— Едем к Астаных!

Тот посмотрел рапорт, скривился:

— Завтра рапорт привези.

Отец с сыном уехали с горьким осадком на душе: не дают проходу.

«Его не тронут», — с издевкой звучали в голове слова заместителя генерала. А на сына продолжали давить.

8

Рапорт к Астаных привез Федин. Они разговорились. Оказалось, подполковник, как и он, служил в патрульно-постовой службе, и у них нашлось много общего. Отец поведал про неудавшийся перевод, когда генерал чуть не уволил сына.

Астаных:

— Ничего, перекинем. Решать надо, пока горячо.

Сразу пошел к начальнику городского управления полиции. Федин ждал в коридоре и успокаивал себя. Вот появился:

— Шеф не против, но надо бы с Залубановым поговорить. Решим. Вы часа в четыре позвоните.

Федин еле дождался и ровно в четыре позвонил, а тот:

— Я Шаталова попросил поговорить...

«Снова этот беспомощный Шаталов».

Как дотянул Федин до утра — трудно сказать. Ровно в 9 набрал номер Шаталова.

— Да говорил, но по телефону, — сказал своим бархатным голосом полковник. — Надо лично...

Отец, изнемогая, ждал. Снова позвонил, а Шаталов:

— Да пошел, а его нет...

Федин про себя: «Ходил ли ты...»

— Я с понедельника в отпуске...

— А мне как?

— Да вы с Бухановым. Он с ним поговорит.

«Стрелку перевел. И на кого? На Буханова. Тоже обещалкин».

Федин позвонил Астаных:

— Что мне? К Буханову? К Никишину?

— Лучше к Никишину.

Звонил, а Никишин трубку не брал. Не оказалось полковника на месте. Ни в будни. Ни в субботу. Ни в воскресенье.

Федину казалось: вот-вот заревет. Что же все валится и валится! Хоть руки на себя накладывай! Еще одолевало: с возрастом сын должен помогать отцу — а у него, наоборот, все рвется и рвется. Так и спрашивалось: «Никита, ну ты можешь сделать так, чтобы родителям легче стало?»

Утром в понедельник дозвонился Никишину:

— Да у сына снова со Сторышевым, — говорил и чувствовал, что полковник еле терпит. — Но рапорт на перевод Сторышев подписал, и Залубанов берет, а Залубанов не согласен...

— Кто-кто?

— Задубанов берет, Залубанов не согласен...

— Я все понял.

— Можно, в пять подойду?

— Да, конечно...

Весь день прошел у Федина на нервах, а в пять он стоял у кабинета заместителя генерала. Никишин вел прием. Федин подождал, пока опустел от посетителей широоченный коридор, и вошел последним.

— Извините, но не могу, не к кому еще обратиться. Ведь сын. И думаю, что там на него...

Никишин, опережая:

— Я с Залубановым поговорил.

— Что он?

— Да, медлителен. Но я: «Это поправимо». Он подумает.

«Сын медлителен», — промелькнуло в голове у Федина.

— ...завтра вечером позвоните.

Федин, сам того не ожидая, посветлел. Неужели его и сына муки закончатся? Всего какая-то подпись — того, кто по определению не может отказать заместителю генерала!

Окрыленный, позвонил сыну, рассказал о медлительности и попросил:

— Ты уж порасторопней будь...

Дождался вечера, хотел ехать к областному управлению, но набрал номер Никишина.

— Залубанов не перезвонил, — ответил лаконично полковник.

— Так что мне?..

— Завтра звоните.

Отец положил трубку, а внутри все снова как умерло. В голове неслось: «Что же, ты — главный кадровик области, а тебе какой-то Залубанов не позвонил! Да когда я был рядовым кадровиком, ко мне эти Залубановы бежали по первому звонку! Другой бы этому Залубанову вправил мозги! Что? Снова терпеть?»

И рвалось криком наружу: «Никита! Да что ты меня топишь и топишь!»

Тянулась канитель. От Никишина слышал: перезвоните, перезвоните; и складывалось впечатление, что снова то ли он забыл, то ли его забыли, и никому не было дела до перевода Никиты. Тягомотина могла закончиться печально и для сына, если он не выдержит, и для отца, если в нем тоже что-то лопнет.

Федин отрывался от адвокатских дел, как неприкаянный приходил к областному управлению и стоял, желая и боясь снова набрать номер заместителя и услышать невнятицу: то ли да, то ли нет. Все-таки набирал номер и снова слышал корректный голос Никишина:

— Там занимаются.

«А чем занимаются? Может, сына уже увольняют?»

— Мы нужны? — лишь спрашивал.

— Нет... Все делает кадровый аппарат.

«А что именно делает кадровый аппарат? Ведь Шаталов сколько раз говорил: команд насчет вашего сына не поступало».

Злило: Сторышев засорил личное дело сына тестами, наказаниями, всякой гадостью. Какая теперь у него карьера?!

Хотелось позвонить знакомому из академии, чтобы провести журналистское расследование, самому написать очерк о горе-полицейских Сторышеве, Залубанове, Шаталове, Буханове, Першине, Сусоеве; но только сел за стол, как мысли будто парализовало.

9

Федин не выдержал и позвонил Астаных.

— Мы документы наши покажем — и точка. Ну помните: психодиагностика, что наркоман.

— Надо это устранить, — сказал подполковник.

— Это все туфта!

— И я о том же. И все решим.

Федин позвонил другому знакомому — начальнику учебного центра полиции:

— Помогите... Надо психодиагностику пройти...

— Зачем?

— Да Залубанову показали бумаги сына, а там подозрение на наркотики...

— Но это же бред!

— Вот надо снова пройти — и бумажку, что это не подтвердилось...

— Ну кошмар! Давай после майских займемся...

Федин попал в замкнутый круг. А тем временем на него свалилась болезнь жены: ее скорая помощь отвезла в больницу с подозрением на камни в почках.

А Сторышев хамел: «Все равно накажу». — «А не за что!» — отвечал Никита. — «Есть, за нарушение формы одежды. Надевай новую форму!» — «Но мне ее не выдали». — «Покупай!» — «У меня денег нет!» — «Найдешь!»

Никиту брало зло: Сторышев лишал его премий, удерживал из зарплаты, а еще — покупай! Форма тысячи стоит.

Отца раскачивало, знал: все деньги, что Сторышев удерживал у таких, как Никита, положил себе в карман.

На Пасху Федин позвонил Астаных и напомнил о себе.

Астаных:

— Переведем. Я придумал, у Залубанова согласовывать не будем...

Рапорт перепишем. Задубанов и Сторышев подпишут и все...

Федин снова как бы успокоился.

Но что-то Никиту не вызвали переписывать рапорт. Оказывается, Задубанов ушел в отпуск. И вот ждали его выхода. Сутки, другие. А как хотелось облегченно вздохнуть!

Тем временем в министерской полицейской газете вышла статья о книге Федина, посвященной автору повести «Белый Бим Черное ухо». В статье просматривалась элементарная мысль, что к подчиненному надо относиться по-человечески. Автор специально написал, что, если в отделе полиции работа строится на унижении, рано или поздно он затрещит по швам; не говоря уже об экстремальной ситуации, когда придется выполнять боевую задачу, а сотрудники вместо врага станут стрелять в спины мучителей-командиров.

Принес газету к Астаных, не сомневаясь услышать: «Сына перевели».

А тот:

— Задубанов взял свои слова назад. Он не хочет его брать.
— Как же так?! Ведь брал...
— Ну вот так...
— Сторышев поработал! Негодяй! И что теперь?..
— Остается только в Южный отдел. Я с начальником поговорил. Никиту вчера вызвал, но он что-то... Далеко ездить...
— Не ближний свет, это же в другом конце города...
— Чем могу...
И с опаской:
— Как бы не сломали парня. Ведь год с лишним тянется.
— Вот именно!
Федин протянул газету:
— Стоит многим начальникам почитать. Этим Задубановым, Залубановым, Сторышевым...
На душе тяжело-тяжело: жена в больнице, адвокатские дела жмут, с писательством несладко и с сыном душиловка.

Уговаривал Никиту согласиться на предложение Астаных, а у сына возник другой план: кто-то напел ему про чей-то уход; освободившееся место пообещали ему. В общем, запутывали. А в Южный Никита не поехал:

— Я туда мотаться не смогу... Бензина пожгу...
— А что делать?
— Я сказал Сторышеву: буду здесь работать.
— А тот?
— Что-то пробурчал.

У отца сжалось сердце: год с лишним тянулась канитель, десять раз обещали перевести — и не переводили.

Одoleвало зло: «Полковники врут! Слово не держат!»
От безысходности готов был пасть на колени. Только неясно — перед кем, чтобы с толком.

— На, хоть газету покажи... Это твой отец... Все-таки министерство публикует...

Надеялся на нее, как на последнюю палочку-выручалочку. А на душе кричало:

«Сво-ло-чи! Сколько еще терпеть! Еще год, что ли?»

Сторышев заболел: у него случилось что-то со спиной; а вышел и вдруг пожал Никите руку:

— Я что-то по тебе соскучился...

Пришло и некое облегчение: вышли из почек камни у жены, и ее привезли из больницы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Разгулялось лето, а Никита весь покрылся пятнами. Раньше краснело только на ушах и щеках, а теперь пошло по всему телу. Мать забила тревогу, поехали к специалисту. Прописали уколы. Сына кололи, но он ходил на службу.

Ему бы отдохнуть, а отпуск поставили только на октябрь. Шурин с

сестрой собрался на юг. За четыре часа до их отъезда Сторышев разрешил и Никите подлечиться.

Он съездил на юг — пятна от морской воды сошли. Заступил на сутки, и в первую же смену случилось ЧП — сбежал хулиган. Никита пришел с дежурства с запозданием на десять часов. Оказывается, хулигана повезли в больницу перебинтовать сломанную ногу, а тот дал деру. Его искали, но не нашли.

Отец особого значения этому факту не придавал: мало ли кто убегает. А заглянул в интернет и даже обрадовался: после ЧП в отделе полиции понимают всех начальников. Такое писали корреспонденты.

«Во, Сторышева уберут — и Никита вздохнет!»

Засмеялся:

— Ждали, переводиться хотели и дождались. Самого черта попрут... Так даже лучше.

А Никита:

— Весь город подняли по тревоге. Ловили до ночи...

А кого, что, как? Не договаривал. Потом добавил:

— Ты спроси в УВД, что там с проверкой?.. Говорят, всю дежурную смену уволят...

— А при чем здесь ты?

— Ни при чем, — смеялся Никита. Хотя в смену входил.

Отец ничего не предпринимал. Никита ездил к юристам, и все ему говорил: ничего страшного. То же самое говорил и назначенный вместо отстраненного Сторышева новый начальник отдела полиции. Казалось, все утрясется, а что Сторышева уволят — то так ему и надо, садисту.

С таким настроением Федин уехал в Москву; в столице на всякий случай познакомился с главным полицейским психологом: надеялся воспользоваться его помощью и окончательно смыть с сына пятно наркомана. Когда же вернулся — не успел еще снять ботинки, как раздался звонок на телефон жены. Та побледнела:

— Уволили...

Федин понял: сына.

Отца оставили силы.

Теперь Никита подробнее рассказал, как сбежавший хулиган два дня был в отделе, как в первый день залез на забор, спрыгнул и сломал ногу. Его поймали. А на вторые сутки дежурил Никита. Тот попросил разрешения позвонить по телефону, и Никита позволил.

— Ну и что, что ты дал ему позвонить?

Никита пожал плечами:

— Уволили Гашина...

— Кто это?

— Зам Сторышева. Был ответственным по отделу... Оперативного дежурного Завальнюка...

— Еще кого?

— Опера и меня...

— А Сторышева?

— Его Москва должна...

Все-таки уволили! Не мытьем, так катаньем! Стоило ли год цепляться и упираться, чтобы все равно вышвырнули. Когда собрался с силами, сказал:

— Еду к Никишину...

Решительно зашел в кабинет полковника. У того задергалась бровь.

— Он способствовал побегу, — ошарашил Никишин.

Отец проглотил ком в горле:

— Может, попросить помощи сверху?

Намекнул на знакомства. Но тот:

— Только хуже будет...

— Так что, мне только в суд?

— Да, в суд...

Федин еще в каком-то возбуждении говорил, что напишет очерк о полицейских, в нем особое место уделит личности Никишина, на что полковник улыбался, надеясь, что наконец-то отвадил назойливого папашу; совал газету со статьей о своей книге, но все это выглядело лишним. Федин вышел, ноги его подкашивались. Дома сказал Никите:

— Говорят, ты способствовал побегу...

Никита:

— У меня есть запись разговора...

Отец боялся спросить: уж не по сотовому ли он дал позвонить? Может, тогда задержанный и договорился с друзьями о побеге.

А Никита:

— Со стационарного... Там разговор был принести вещи... Обувь... Одежду...

— Ладно, пусть знакомят с приказом.

Понимал, что придется обжаловать приказ, и теперь он понадобится уже не только как отец, но и как адвокат.

2

Никита принес копию приказа. Руки у Федина-старшего затряслись. Просматривал текст: «Ого! Десять страниц. Уволить Сторышева, его зама Гашина, оперативного дежурного Завальнюка, Никиту, опера... Наказали еще десяток сотрудников. Но не указали, с какой даты уволить. Подписал генерал. Значит, это первичный приказ по областному управлению, а будет — вторичный. Его издаст городское управление».

Просмотрев мельком пачку бумаг до конца, ужаснулся: оказывается, опер повез хулигана на перевязку сломанной ноги в больницу, там они с хулиганом и его корешками выпили, потом корешки навешали оперу тумачков и вместе с хулиганом удрали.

Еще не все понимая, Федин поехал к Астаных. Тот, крупный, как медведь, сидел за своим огромным столом и только развел руками:

— Чем мог...

Предлагал ведь сыну перевестись в Южный отдел полиции, но тот не захотел.

Горьким в отце осадком отзывались слова сына: «Ты спроси в УВД, что там по проверке?» Никита просил его вмешаться, а он не понял его. Хотя вряд ли смог бы помочь...

Потом Федин успокоился:

— Хорошо, что так. Без уголовки! А могли пришить соучастие в побеге.

И жене:

— Пусть теперь съездят на юг. Просолятся. Здесь их ничего не держит. И слава Богу, что из этой клоаки выбрался. А то еще и посадили бы...

С новой силой тянуло к полковникам, кто обещал перевести — и не перевел. Высказать им все, что он о них думает. Он терял в себе что-то

емкое. Что годами создавалось с таким трудом и так стремительно разрушалось... Снежным комом росли проблемы сына: как теперь платить кредит, который он взял на ремонт квартиры? Куда идти работать? Как же запоздало рукопожатие Сторышева, который раньше хотел изжить парня! А теперь они стали чуть ли не друзьями по несчастью.

Федину предстояло судиться с теми, о ком он собрал столько материалов и о ком писал историю, кто составлял часть его жизни. Такого бы не пожелал никому. И лишь проскакивало: «А что, если они этого заслуживают? Ты должен их пропесочить!»

Советовали сходиться к генералу на прием. А идти было не вмоготу, да и тошно. Когда Федину выпадало хлопотать за кого-то, он фонтанировал активностью, а как постоять за себя — не двигались ни руки, ни ноги. Через силу принялся писать запросы, собирать документы. Узнал: у сбежавшего хулигана оказалась сломанной стопа, он пожаловался на боль в ноге Никите, тот вызвал ему скорую. Может, Никита и провинился в чем-то, но налицо была крайняя необходимость. Как не оказать медицинскую помощь тому, кто в ней остро нуждается?

Никита дал хулигану возможность позвонить по телефону, хотя, если тот находился в розыске, это делать запрещено. Но у хулигана не было документов. Личность его не была установлена. Возникал вопрос: кто он? Да и в полицейской базе данных о лицах, находящихся в розыске, такой не значился. Хулигана задержали за мат-перемат; тянулось ли за ним что-то посерьезнее, было неясно.

«Вот на все это нужно обратить внимание суда», — подумал адвокат Федин.

Вспомнил про давнего знакомого, который вырос до заместителя председателя областного суда. Боялся, что не примет, но тот оказался доступен. Его вовсе не испортил более просторный, нежели у обычных судей, кабинет с книжными шкапами вдоль одной стены, журнальным столиком — у другой и массивным столом между окном и четвертой стеной. В шкафу среди стоящих книг Федин увидел и свои.

— Вот так-то, раньше бы за такое — выговор, а теперь — под гребенку, — Федин закончил рассказ о сыне.

— Ко мне из МВД приезжал, — заговорил несколько скороговоркой, поправляя спадающие на лоб пряди, зампред. — Говорит, у них теперь такая политика — увольнять за малейшую провинность...

И отмел еще терзавшие Федина колебания:

— Давай, подавай в суд...

Федин вышел окрыленный. Еще бы! Его благословил заместитель председателя областного суда!

3

Никиту позвал к себе работать знакомый мебельщик. Посыпались заказы, и он принялся делать мебель, зарабатывать деньги.

А отец с головой ушел в привычное для себя занятие — подготовку к суду. Как ему трудно дался иск! Он никогда так долго не писал исковое заявление. С тяжелыми мыслями. Раздираемый сомнениями. Если бы готовил заявление для постороннего полицейского, то написал бы быстро, а тут — для сына. Он не то чтобы боялся ошибиться — нет, ему с ог-

ромным трудом давался каждый шаг. Он как бы на себе тащил груз неудач, преследовавших сына. Переживания множились, их температура взлетала за предельный градус. Он не хотел упустить хоть деталь. Вот написал заявление, вздохнул, отправил в суд. Думал: вдруг вернут? Часто случалось, что судьи придирались к мелочам и иски возвращали.

Тем временем жене Фебина порекомендовали после больницы поехать на воды промыть почки. Ловя последнее тепло осени, они уехали в Железноводск, но и там отец не мог отделаться от мыслей о сыне. Утешал лишь совет того высокопоставленного знакомого обратиться за защитой в суд, который Фебин расценил как обещание содействия при рассмотрении дела.

Когда вернулись, листву уже поджелтило; от смены температур дома запотевали стекла; дождик все чаще перерастал в ливень, грозя своим шквалом оголить деревья и подчистую сорвать их полинялые одежды. Опасения, что вернут иск, не подтвердились. Медленно надвигался день суда, когда отцу предстояло защищать сына. В голове постоянно вертелось: «Все ли сделал? Все ли предусмотрел?» И удивляло легкомыслие сына, который, пренебрегая советами отца, заявлял: «Я сам знаю, как на суде себя вести! Что говорить!»

А что он знал?

Отца волновало: еще скажет не то и уже не вылезет из петли, которую сам на себя набросит. Отец изводил себя: перечитывал документы, составлял схемы, выделял все за и против, строил защиту, которой надеялся выиграть дело. Хотел подготовиться безукоризненно, провести дело без сучка и задоринки, чтобы не сдать ни пяди своей «территории» противнику и победить. Хотя его и не покидало сомнение: а стоит ли сыну снова в полицию?

Но и на новом месте Никите было несладко. Его дурил мебельщик, при всякой возможности обделяя копейкой. Совсем распоясался, узнав, что Никита уже не офицер полиции.

Сын сник. А невестка рассказывала свекру и свекрови: «Снова форму примеряет». Словно надеялся; а может, ему кто-то внушил, что его непременно восстановят. Наивный Никита!

Облака под вечер уходили за горизонт. Проекторы на стенах домов заливали город ярким светом, словно посылая заманчивые сигналы далеким краям, где жизнь более обустроенная, где, может, и есть милиция-полиция, но в ней служится легче, где если и занимаются мебелью, то по совести, а если и тратят здоровье, то с толком, и не попадают такие горемыки, как Фебин с сыном.

Фебин волновался: подготовились ли к суду? Сын все уклонялся от встречи, но вот наконец приехал и вместе с отцом обсудил, как себя вести. То, что говорил отец, легко усваивалось Никитой. Отец неожиданно воспрянул: великовозрастный ребенок прозрел. Считает, что его уволили ни за что, и собирается бороться. Но все равно не покидало волнение, которое только усиливалось и достигло апогея к ночи: справится ли сам? Справится ли сын?

С утра руки у Фебина дергались, пальцы тряслись. И внутри все напряглось: ткни — и прорвется. Умылся, собрался и ждал сына — ехать в суд. Но тот не появлялся. Думал: «Не проспит ли?» Но какая-то уверенность охлаждала: он же не без головы! Но вот время приблизилось к кри-

тической отметке, а Никиты не было. Позвонил сыну на сотовый — не ответил. В голове пронеслось: «Может, уже едет...» А когда позвонил на городской номер, оказалось, что Никита только встал. Выругался бы матом, да сил и на мат не хватало. Лишь вскользь бросил:

— Смотри, не опаздывай... Ладно, я сам доберусь...

Ехал на маршрутке по вымытому за ночь городу, и его не покидала навязчивая мысль: «Да, самое идиотское для адвоката — защищать сына...» К суду по улице шел каким-то побитым, а не как обычно — подтянутым и бодрым. Вошел в здание суда, миновал вертушку, около которой кучковались приставы. Его пропустили с ходу. Поднялся по лестнице на второй этаж и устроился на обшарпанной кушетке, с опаской поглядывая на дверь кабинета судьи, куда непременно позовут.

Какие-то незнакомые люди появлялись в коридоре, насторожив Федина: «Уж не свидетели против нас? Ведь будут из областного управления и из городского. Два ответчика. Один издал приказ без указания даты увольнения, второй — приказ с конкретной датой во исполнение первого».

Вот напротив села прилизанная дама.

Федин спрятал бумаги, чтобы не увидела. Вдруг от ответчика. Дама почему-то вглядывалась в него.

«Вроде не она».

Это он понял, когда две дамы — одна моложавая, но какая-то растрепанная, в коротком платье, и вторая, постарше, но подтянутая, в сером пальто — встретились в проходе и рассмеялись, назвав фамилию его сына.

Понял: «Вот эти крали и попрут против нас!»

Заныло на душе: «Они в сборе, а Никита все не появляется». С ним хотелось обсудить последние мысли. Но его не было, а время катило к десяти, к началу заседания.

Отец уже нервничал: «Он что, совсем спятил?» Позвонил, тот не ответил. Но сам перезвонил: оказывается, он рядом, но не может захватить из соседнего квартала.

Отец ему:

— Скорее! Без тебя начнут...

А тот и не чешется, равнодушно спросил адрес суда. Отец выскочил на улицу. Стоял, и его трясло. Не ощущал начавший накрапывать дождь. Вот увидел на перекрестке белую «хонду» сына. Легковушка свернула во двор.

Отец напугался: «Уж не спутал ли дом?»

И побежал вслед.

Никита вылез из салона, поставил машину на сигнализацию и спокойно пошел навстречу.

Отец нервно поглядывал на циферки на стеклышке сотового: десять ровно.

Шел рядом, что-то говорил по делу, а сын и в ус не дул. С другим бы клиентом замолчал или послал куда подальше, но тут приходилось не только терпеть, но и рвать нервы.

На суд успели: зашли в кабинет вместе с теми двумя дамами.

Маленькая, как бы прижавшаяся к столу конопатая пампушка-судья в мантии сразу погнала. Федин думал: первое заседание на пару слов. Соберутся, предварительно обсудят и разойдутся. По крайней мере, все-

гда так происходило в судах. Но не тут-то было. Пампушка сразу стала вникать в суть дела.

Федин пытался перехватить инициативу и заявил, что Никиту с материалами заключения не знакомили; что приказы МВД, на которые ссылаются при увольнении, в отдел полиции Никиты не поступали; что они даже не относятся к обязанностям сына...

Судья нетерпеливо косилась на адвоката, потом посмотрела на Никиту: — Лучше послушаем его.

Адвокат замер: «Затыкает рот. Выдержит ли сын?»

Но, к своему удивлению, увидел, что Никита стал четко рассказывать: как заступил на дежурство, как с прежних суток в камере оставался задержанный за мелкое хулиганство, как у хулигана заболела сломанная накануне нога, как тот попросил дать позвонить, чтобы ему принесли носильные вещи, как Никита вызвал бригаду скорой помощи, чтобы отправить хулигана на перевязку. Он имел право на все это, а переданное ему постановление суда о розыске некоего Шиловертова к задержанному отнести не мог: личность хулигана не была установлена. А то, что он назвался Шиловеровым, мало о чем говорило и не подтверждалось никаким документом. Следовательно, существующий запрет на телефонные звонки лицам, находящимся в розыске, на задержанного не распространялся.

Судья все цеплялась: почему да как? Что бы ни вменяли Никите, он во всем свою вину отрицал.

«Молодец, так держись!» — пульсировало в голове отца.

Потом от ответчиков поднимались дамы. Та, что от областного управления полиции, заявила: оказывается, в приказе об увольнении неверно сослались на приказ министра, надо — на другой.

На что судья хмыкнула:

— А действовал ли другой?

Потом еще в чем-то упрекнула молодежавую даму, от чего волосы на ее голове еще больше растрепались.

Та, что от городского управления полиции, отвечала категорично:

— Нам поступил приказ из области, мы обязаны его выполнить. Мы его и выполнили, контракт расторгли.

Разошлись. Как бы с чем-то и ни с чем. А на душе ныло. Чутье адвоката не позволяло думать, что они выигрывают.

Ехали по осветившимся после слепого дождика улицам и обсуждали поведение дам из полицейских управлений, а когда расстались, то дождь полил как из ведра, и лил целую ночь, словно желая смыть все накопившееся.

5

Суд надвигался. Федин исписал горы бумаг, разослал десятки запросов, в черновом варианте подготовил текст выступления. И вот наступил день заседания.

В 11 часов позвонил адвокату Завальнюка:

— Как прошло заседание?

— Давит. Не слушает, — ответил тот и добавил: — Хочет сегодня вынести решение по вашему делу!

— С чего вы взяли?

— Из разговора с представителем управления проскочило. Она так и сказала: «Сегодня чтоб были готовы...»

Отец не ожидал такой гонки. Рассчитывал на несколько заседаний, когда заявит ходатайства, разберутся с одним, потом с другим; а вышло, пампушка собирается рассмотреть дело за один день.

«Ну и спортсменка!»

Пошло-поехало. Быстро распечатал ходатайства. Впопыхах малость подправил и вывел на принтер выступление. Потом спохватился: «Надо предупредить!» Быстро собрался и, не чувствуя прохлады и надвигающейся простуды, поспешил в областной суд, стоял под закрытой на ключ дверью с золотистой табличкой, но заместителя председателя не дождался и, боясь опоздать в районный суд, убежал. Уже на порожах районного суда дозвонился. Выпалил:

— Пойдет на решение!

Зампред удивился:

— Что за надобность гнать...

«Что же ты не чешешься, — вспыхнуло на душе у Федина. — Мог бы давно сам поинтересоваться. Зачем же я к тебе ходил?.. А может, и он водит меня за нос?» Но сказал:

— Благословите на бой...

Зампред, кажется, улыбнулся:

— Благословляю...

«Эх, выдержу ли я этот удар? — спросил Федин себя и с горечью подумал: — И не уложит ли он меня окончательно?»

Остро ощутил, что тридцать лет уже нет его отца, который мог бы вмешаться и, имея друзей в столице, помочь; пять лет — нет мамы. И все свалилось на него: больная жена, крах на службе у младшего сына. Хорошо хоть старший не подбрасывал ему проблем.

Пампушка-судья снова понесла галопом: «Слушается дело... С иском понятно...»

Адвокат взял себя в руки, встал и, стараясь окоротить скороговорку судьи, протянул ей заявление: «Прошу приобщить...» Произнес размеренно. Пампушка отмахнулась: «Мне это не надо». Адвокат протянул другую бумагу: «Прошу запросить...» Она резко: «Нет...» Адвокат заявлял ходатайства, предлагал свои доказательства, понимая, что потом будет поздно: судья пройдет стадию ходатайств — и ищи ветра в поле.

Проталкивание-переталкивание ходатайств продолжалось минут десять, пока не переросло в допрос Никиты. Теперь судья пыталась выдать из Никиты хоть одно неверное слово, поймать на неверной фразе, чтобы он прокололся: мол, знал, что в камере задержанных находится именно Шиловвертов, который в розыске. Тогда бы вышло: нельзя ему давать звонить. А Никита выдерживал напор и утверждал, что задержанный находился в отделе за мелкое хулиганство, что личность его не была установлена, что постановление о розыске Шиловвертова к задержанному не относится и звонить ему можно...

Судья нервничала, повторяла вопросы раз за разом. Натолкнувшись на стенку, пыталась запутать Никиту. Адвокат сидел сзади сына, не в силах встать и возмутиться, и шептал ему нужный ответ, и он, если мог уловить, отвечал нужное; а если не мог, то порой спотыкался на слове, что вызывало восторг у судьи.

Вот мадам из областного управления полиции вытащила флешку:

— Это запись регистратора речи...

Никита съезжился. А отец замер: на этот счет заготовил свой ход.

Секретарь судьи, длинноногая, со смоляными волосами деваха, взяла флешку, вышла и вскоре вернулась:

— Не открывается...

Но судья повела всех в соседний кабинет, там посадила у компьютера и заставила слушать какую-то запись.

Отец подумал: «Неужели это запись того самого разговора?»

Когда запись закончилась, пампушка воскликнула:

— Вот он и адрес сообщил! Где находится...

Мол, выдал тайну.

На что адвокат сразу парировал:

— А это и не было тайной! Знакомые и родственники должны знать, где находится задержанный!

— Но не того, кто в розыске! — взвизгнула судья.

— Он задержан за матерщину, и близким должны сообщить, — стоял на своем адвокат.

Приходилось отбиваться от утверждения, что задержанный был именно Шиловцовым и Никита обязан был знать постановление суда об объявлении его в розыск. Когда вернулись в кабинет, адвокат протянул судье лист:

— Вот ответ из полиции: «Запись речевого регистратора уничтожена...» Так что мы непонятно что слушали...

Обе дамы из управлений смутились и пожалы плечами.

— А мне этого не надо! — ладонью оттолкнула лист судья.

— Нет записи — нет и разговора, — адвокат положил лист на стол судьи и, торжествуя, вернулся на место.

Как ни гнала пампушка, как ни давила — баталия не утихала. Адвокат вставал и доказывал невиновность сына, а судья его осаживала; подала голос до того молчавшая седовласая прокурорша в кителе советника юстиции; путались дамы из областного и городского управлений, не в силах многое объяснить.

Никита выдерживал шквал перекрестных вопросов. План судьи вынести в этот день решение трещал по швам. Расходились затемно.

6

К вечеру похолодание сменилось духотой, предвещавшей потепление утром — возможно, и в суде.

Ночь напролет адвокат правил выступление, убирал ненужное, вставлял важное, добавил коронное: «Если бы в отдел полиции пришел прокурор с проверкой, кого бы он увидел? Шиловцова, который в розыске, или того, кто не в розыске и пользуется правом на звонок? Документов, удостоверяющих личность задержанного, нет, дактокарта сомнительная. Так кто это? Шиловцов? Конечно, нет!»

Распечатал выступление. Получилось тридцать две страницы. Не припомнил, когда писал больше. Лег только под утро, а голова напоминала чугунок, залитый горячей водой. И спал — не спал: все ворочался, ворочался. Потом машинально вскочил, умылся, чем-то перекусил. Ехал на маршрутке: руки тряслись, портфель еле держал — поставил его в ноги. А по всему телу волнами пробегала дрожь, словно при сорокаградусном морозе. «Вот тебе и согрел», — вспомнил про потепление накануне. За пять минут до начала заседания дозвонился до зама:

— Сегодня прения!

А тот:

— Еще три инстанции...

Мол, что волнуешься?

Приехал сын. Не опоздал. И его успокоил:

— Если проиграем — еще три суда...

А самого чуть не подбрасывало от прыгнувшего давления.

Зашли в суд. Увидел прокуроршу и двух присевших на стулья дам из областного и городского управлений. Все напряженно молчали, готовясь если и не к трудному восхождению, то к очень неприятной работе.

Снова оказались в кабинете, который Федин теперь позволил себе разглядеть. Он показался каким-то странным растянутым мешком с прямыми углами. Вот что-то заговорила судья, что-то подправил адвокат: то не огласила, то было в деле и куда-то пропало. Судья недоумевала, а адвокат внутренне бесился, стараясь не упустить каждую мелочь, которая поможет сына восстановить, и исподлобья поглядывал на пампушку в мантии.

Дали слово седой прокурорше, и та понесла, что Никита и так виноват и этак, а вчерашние недоразумения, которые выяснила у представительниц управлений, как забыла. Никита сидел и все ниже опускал голову. Оказывается, у него этих нарушений — что блох на кошке: все свои обязанности попрал.

Прокурорша: вот, мол, звонить не имел права дать. О последствиях должен думать... Вот, мол, если брать все вместе, то это повлекло побег Шиловертова...

«Но побега-то не было! Уголовное дело прекратили».

На самом деле, когда поймали беглеца, уголовного дела по побегу не получилось.

Прокурор выговорила и ушла.

7

Адвокат поднялся, вздохнул. Он начал четко и с надрывом. Судья смотрела на него и ерзала в кресле: понимала, что перед ней не просто адвокат, а еще и отец. Он говорил, заглядывал в текст, произносил, быть может, самую важную в жизни речь. Переворачивал лист за листом. Ему нужно было быть предельно четким. Предельно аргументированным.

Судья морщилась, а дамы из управлений склонили головы. Когда адвокат перешел к тому месту о прокуроре, судья вспыхнула:

— Не надо нам «бы»...

Но адвокат продолжал. Судья морщилась, подалась к компьютеру, стала печатать.

«Даже не хочет слушать!»

И, боясь, что не даст дочитать и оборвет, он набычился и особенно четко произносил написанные фразы, слыша, как часто-часто стучала слуга Фемиды по клавиатуре. В голове крутилось: «Даже если крах, надо вбить все до последней строчки, до последней мелочи в дело, потом будет поздно...»

Читал, щипая фразами прокурора и дам из уволивших Никиту управлений. Закончил. Шагнул вперед и положил пачку листов на стол не прекращавшей печатать судье.

Вставали по очереди дамы из областного и городского управлений и несли, как плох уволенный сотрудник, совершил нечто не укладывающееся в голове, ну чуть ли не преступник, который поставил полицию всего города на уши. Договорились до того, что Никите нужно нести коллективную ответственность.

Наконец-то четко и уверенно сказал свое Никита:

— Я помогал человеку. У него была сломана нога, нужна была обувь, одежда... Как ему не дать позвонить близким? Я вызвал скорую помощь... А как не вызвать больному со сломанной стопой?

Вышли, не зная, что и как.

Ждали в глубине коридора, а в голове вертелось: «Восстановят? Не восстановят?», «Почему не слушала и печатала судья?», «Ей все ясно?», «А что?»

Отец сказал Никите:

— Ты смотри: если восстановят, то завтра на службу...

И с ненавистью, не отрывая взгляда, посмотрел на советника юстиции, которая прошла мимо. Он даже не мог припомнить, когда с таким отращением смотрел на женщину.

Позвали в зал. Судья почти детским голосом читала с листа, кто с чем обратился, кто что просит. Стоило только удивляться, куда делся ее дерзкий говор и хамское обращение. В сознании адвоката стреляло: «Откажет? Нет? Восстановит. Даю десять процентов. Нет. Восстановит. Даю двадцать пять процентов...»

Она говорила, а внутри адвоката: «Откажет, не откажет, откажет, не откажет...» Как такое можно произносить таким голосом... Этой... И понял — жабе, когда услышал: «В иске...» Если бы объявляли победу, то прозвучало бы слово «иск» — с последующим «удовлетворить». Именно в такой последовательности. Еще шли какие-то перечисления норм, но уже становилось грустно.

И услышал: «Отказать...»

Выходя из кабинета, бросил с издевкой:

— Спасибо...

А на глаза наворачивались слезы от небывалого в жизни поражения. Вот и вознамерился защитить сына!

Стараясь не показать слабость, с напускной веселостью попросил счастливых дам из полицейских управлений передать приветы: Никишину, Шаталову, Буханову — из областного, Астаных — из городского. Те, как бы сочувствуя, согласились.

Странная веселость владела адвокатом: словно еще не вынес вердикт суд и они не проиграли дело. Цепким взглядом поймал в конце коридора прокуроршу, эту тварь, убившую в нем память о его друзьях в прокуратуре, которые, к несчастью, умерли.

На улице понял: разрешил тяжелейший вопрос, сброшен со спины огромный груз. Но сыну сказал с хрипом:

— Мы еще посудимся...

Он потерял голос после словесной перебранки накануне и сегодняшнего выступления в тридцать две страницы.

Ехали по ослепленным солнцем улицам города и говорили, говорили, еще не прочувствовав глубину поражения.

Добавляя газу «хонде», сын сказал:

— Да, теперь, если выиграем в областном суде, на службу уже не пойду...

После такого количества вылитой грязи что-то надломилось в нем.

Матери дома рассказывали о суде с напускной легкостью, чтобы уменьшить ее переживания.

8

С какой-то странной беспечной веселостью покатил и второй день после суда. Федин понимал, что это бравада, напускное. Так ведет себя человек после травмирующей ситуации. Его отбросит ударом машины, а он бежит как ни в чем не бывало; но пройдет минута, и он завоет от боли.

Под вечер заглянул в интернет и жене:

— Смотри, что написали... «Лишился работы...»

На сайте новостей значилось, что с уволенным сотрудником полиции все ясно, ему суд в восстановлении отказал, и перечисляли то, о чем судья еще не высказалась.

Теперь не мог уснуть:

— И тут облили помоями...

Подался ближе к монитору:

— Надо ж, источник — областная прокуратура.

Зайдя на сайт с картинкой белоснежного прокурорского особняка, только вымолвил:

— Теперь еще с ними тягаться...

Не хотелось, но странным образом снова потянуло воевать. Звонил дежурному прокурору, а тот не мог объяснить, откуда появилась информация. Так и ныло: что же все сыпется? Не мог найти пресс-секретаря областного прокурора, а найдя, услышал: «У нас все согласовано». — «Как согласовано, когда судья объявила только резолютивную часть! Еще неизвестно, что останется...» Возмущался, намекал на знакомство с бывшим генеральным прокурором, который в эти дни отмечал свой юбилей, а ему лишь отвечали: «Все согласовано». От такого согласования становилось тошно. Точно от вранья.

Покой, о котором мечтал, оказался мифом, короткой передышкой. Теперь зрели тексты новых исков к прокурорам, а между хлопотами на-верстывал запущенные по домашнему хозяйству дела: ездил на дачу и натягивал сетку по границе с участком соседа; на кладбище делал скамейку на могиле отца, смотрел на портрет на мраморной плите и говорил: «Ты же знал замминистра МВД, своего однополчанина... Но как давно это было! И тебя нет, и замминистра... И некому помочь!»

Писал до часу ночи новые запросы, раскладывал вдоль стола:

— Это прокурору области. Это прокурору района, где работает эта тварь-прокурорша. Это в информационное агентство, где увидел гнусную ложь...

Заметил, что простыла жена. У нее заложило нос, а такое у нее оканчивалось отеком легких и убийными антибиотиками.

И на ней сорвался:

— Что же ты?! Себя не смогла уберечь, чтобы мне легче было...

Думал: как прорваться на юбилей бывшего генерального и там пристыдить прокурора области? Хотя разве пропустят...

До утра писал для местных изданий материалы по случаю праздни-

ка у генерального, собираясь упомянуть в них безбашенных местных прокуроров.

Бывшего генерального так и не встретил, но материал написал и отослал в редакцию, смеясь: вот вы, прокуроры, моего сына клюете, а ведь не знаете, что получите в ответ.

Взбодрился! Слал запросы в суд на ознакомление с делом, на получение решения, на все то, что никак нельзя упустить, чтобы судиться дальше и прищучить прокуроров. Звонил помощнику судьи, но слышал в ответ: «Решение не готово». И в конце недели — резкое: «Время вашего ознакомления с делом с четырех до шести дня, вторник и четверг».

Сын с головой ушел в мебельные дела: сутками в снятом гараже делал по заказам шкафы и столы.

Во вторник Федина, словно трактором, тянуло в суд:

— Скоро четыре часа... Может, отложить на четверг?..

Но заставлял себя: «Нет-нет, сроки идут, упустить, и тебя кинут». Надо было прочитать решение суда, протокол судебного заседания. Ожидал и в них увидеть пакости.

Рискованно, как слепой, переходил улицу. А в голове мелькало: даже не смотришь по сторонам! Скользко, собьют и не остановятся. Разбрасывал ботинками кучи слипшихся листьев. Чуть не споткнулся о порожки суда, потянул за ручку тяжеленную дверь, которая открылась с трудом.

Сел напротив кабинета судьи. Мимо с толстыми прошитыми томами прошла верткая секретарь, блеснув на повороте прилизанной чернявой головкой.

«Вот ты протокол писала заседания, а разве все вписала?»

Встал, подошел к двери и, открыв, увидел пухлую фигуру судьи:

— Мне бы решение... Протокол...

Хотел услышать, почему так долго не изготавлиют. Но та сказала:

— Ждите...

И вот рядом крутнулась чернявая:

— Идите вниз...

— А решение?

— Там получите...

Внизу, в узком кабинете, где вдоль стены над тремя заваленными бумагами столами склонились три тети средних лет, сидящая в центре находилась и с ходу протянула пачечку сшитых листов:

— Решение...

Его не задело, откуда его знают. Взял пачечку.

Нахохлившись:

— Будете знакомиться с делом?

— Да. И мне протокол судебного заседания.

— Там и протокол.

— Давайте.

— Какой том?

— А что, там уже несколько? Я раньше знакомился с одним.

Та отодвинула от общей стопы два тома. Хотел взять второй, но взял только первый. В коридоре медленно прошел к столу, опустился на стул, глубоко, как после пробежки, вздохнул, положил перед собой том и пачечку решения, еще не зная, с чего начать.

Прочитал на пачечке:

«Именем Российской Федерации...»

Оно! Быть может, самое важное решение в жизни. Несмотря на несколько десятков страниц, оно казалось невероятно тяжелым. Неподъемным. Даже не стал его ни читать, ни листать. Взялся за том. Медленно просматривал каждый лист. Вчитывался в бумаги. Добрался до протокола первого судебного заседания.

— Ну так и знал! Все перековеркала...

На отдельном листе писал замечания.

В томе оказалось за двести страниц.

Так разбух!

Нервно брался за край страницы, приближал, вчитывался, что-то помечал, переворачивал, брался за следующую, помечал, перелистывал и поглядывал на решение, не обращая внимания на долговязого пристава, который ходил за спиной и следил, чтобы адвокат не вырвал какой-нибудь документ или не исчеркал страницу. Желая ускорить работу, вытащил из портфеля фотоаппарат; прижимал страницу пальцем и нажимал на кнопку. Раздавался щелчок. Перелистывал. И все поглядывал на пачечку с решением. Она мозолила глаза. Фотографировал, не замечая снующих сзади работников суда и судей в мантиях.

Раздирала обида за сына, которому так не улыбнулась судьба. В детстве уступал одноклассникам в развитии, в школе стал заикаться, не потянул в военном училище, застрял в троечниках на юридическом факультете, не удержался в электриках, вылетел из полиции. А ведь по сути он хороший человек. Сколько в его жизни было неожиданных поступков, на которые были неспособны более удачливые одноклассники и коллеги.

Доснял том. Подтянул пачечку решения и читал. Как бы сканировал главное. И обжигался фразами «нарушил», «незаконно дал позвонить преступнику», «вызвал скорую и не уведомил дежурного»... Пропускал по четверти страниц, которые не хватало духу полностью прочитать: так тяжело они воспринимались. И то, что прочитал, жирными отметинами запечатлевалось в памяти.

Он еще листал страницы, а его уже попросили из суда: рабочий день заканчивался. Оправдывался, теперь не желая расставаться с томом, который становился для него чуть ли не самой важной в жизни книгой.

И вот его выпроводили. Он снова шел по мокрой улице — и хорошо, что сразу, не переходя проезжей части, сел в маршрутку. Иначе его могли сбить. Его шатало. Пьяным пешеходом казался. Быть может, на самом деле захмелел от неожиданно испитого горького напитка.

Дома жена его не узнала. Она еще кашляла, но болезнь уходила из нее. Про свой поход в суд промолчал. Жену нельзя было огорчать. До глубокой ночи перегонял отснятые кадры в память компьютера и распечатывал копии, скреплял страницы.

Спал несколько часов, а когда проснулся, лежал в кровати и листал сшитый том, потом — решение и видел, сколько обвинений против сына судья отмела, но сколько и оставила. Самые возмутительные — вызов бригады скорой помощи и звонок хулигана родне. Страшные разве что для генерала Сусоева обвинения! И пустяжные — для отца и Никиты.

Снова оказался в районном суде. Второй том лежал перед ним. Сфо-

тографировал его. Потом читал. На этот раз над его душой не ходил пристав.

«Наконец-то посчитали, что ничего плохого с делом по моей вине не произойдет...»

Страницы осваивались почему-то тяжело. Сам того не желая, отругал позвонившего сына:

— Ты меня втянул в такое дело...

— Я ни в чем не виноват!

— А тогда чего же я здесь делаю...

Раздражение сменилось недовольством собой: «Что же ты так? У него не все ладится... Когда у тебя случились неприятности, отец тебе помог». Вспомнил, как самого выгоняли из военного училища и как тогда спас его отец.

Дошел до протокола второго заседания. Его тоже читал вкособливо и если что пропускал, то небольшое. Фиксировал: «Это так. Это не так». И снова резало: «Как исказили ход заседания! Ведь флешка, которую дала дама из областного управления, была непригодной. Слушали непонятно что. А это не отражено. Ведь прокурор выступила и ушла. Это тоже не записали. Ведь просил приобщить... а это опустили».

Хотя что-то судья сделала для него: отмела плевые обвинения. Но не сделала главного — не восстановила.

Его теперь не гнали из суда, он сам ушел раньше. И снова за полночь распечатывал и делал дубликат второго тома.

10

Пришло время подать замечания на протоколы судебных заседаний. Сколько наворочали судья и секретарь! Как трактор, Федин медленно двигался по своей «борозде» и медленно, тяжело писал фразы, которые прозвучали в суде; даже малость привирал, видя, как безбожно лгала сама судья. Правил, уточнял, шлифовал каждое слово. А когда разогнул спину — глянул в окно. Его поразило: весь осенний цвет с деревьев оказался на земле. «Какую по счету осень проморгал! Кто-то в эту пору влюбился, кто-то целовался, кто-то творил... А ты изо дня в день лопатишь чернуху!»

Тонюсенькую папочку с листами замечаний нес в районный суд, где, отдавая, даже шутил. Увидев чернявую секретаршу, предельно вежливо поздоровался. В ответ та чуть не подпрыгнула от раздражения. На обратном пути зашел к заму в областной суд, и тот констатировал:

— Уже и пресса написала...

— Как, я видел только на сайте прокуратуры...

— Ну ладно, пиши жалобу...

Адвокат ждал извинений. Хотел высказать обиду: «Что же ты не позвонил толстухе?» Но сдержался. Разборки могли привести к еще худшему: взбрыкнет, и больше к нему не зайдешь. А сам зампред не извинился. Адвокат давно смирился с истиной: слабым приходилось сносить диктат сильных.

Зам вдруг разговорился и рассказал, как служил матросом на Балхаше, как не поладил с командиром и его отправили дослуживать на Новую Землю. Но ему повезло: в Москве, где была пересадка, капитан оказался земляком и оставил служить на водной базе ЦСКА.

«Вот тебе повезло. Но окажешься ли ты таким же капитаном для

моего сына? Или снова будешь только констатировать результат?» — подумал адвокат, понимая, как возненавидел прокуроров и судей.

Другой знакомый советовал Федину писать жалобу на судью, потерявшую документы, которые адвокат хотел приобщить. Но эмоции выветривались. Давили сроки: пора обжаловать решение, и он погружался в очередное — быть может, более важное, чем замечания, — дело. Рождались мысли, ползли фразами на мониторе, выстраивались в апелляционную жалобу. Он то и дело кидался к компьютеру: «Это упустил! Это...» Требовалось выдать сполна, с лихвой, забыв, как легко и беспечно писались жалобы для других.

Отрывался от жалобы на беготню с делом полковника: полицейский начальник разводился с женой, загулявшей с австрийцем; успевал съездить в Москву по делу студента, которому клеили сбыт наркотиков; готовился к делу сироты, которого хотел освободить из колонии. И все переплеталось с уходом за женой, которую готов был нянчить и носить на руках, лишь бы ее болячки ушли в прошлое. Все проходило на бегу...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Жалоба писалась.

А тем временем светлым лучиком прилетело:

— Я нашел их...

Дело в том, что гараж, где делал мебель Никита, обворовали. Унесли инструмент. В семье переживали: что за невезуха! Никита поискал инструмент у соседей-мебельщиков, но без толку. А когда узнал, что на конторе гаражного кооператива установлена видекамера, попросил ее запись. Просмотрел и увидел, как «жигули» девятой модели подъехали к гаражу, как из них вылезла мужская фигура, повозилась у ворот; потом дверь в воротах открылась — и через нее стали спешно выносить инструмент. Потом девятка с переполненным багажником отъехала: при приближении на запись четко вырисовались три цифры ее номера.

Теперь Никита ездил и присматривался к номерам машин схожей марки. Однажды чуть не столкнулся с одной девяткой: она шла навстречу его «хонде». Та? Не та? Кажется, она. Точно она! Пока соображал, упустил легковушку, но теперь знал: вор, не таясь, ездит по городу. А увидев ее в очередной раз у обочины рядом с жилым домом, остановился. Она? Да — цифры на номере те же! Когда в девятку сели какой-то кавказец с девчонкой, он тронулся за ними. Названивал в дежурку отдела полиции, где работал, знакомым операм, говорил, что преследует преступника, просил скорее выслать на подмогу машину или самим приехать. Ему отвечали: «Выезжаем!», а девятка уходила все дальше. На перекрестке заметил патрульную машину ДПС и, открыв окно, на ходу бросил дэпээсникам:

— Вор в машине, — показал на удаляющуюся девятку.

Спецмашина сорвалась с места и устремилась вперед. Никита на «хонде» — следом. Вскоре на спуске к мосту девятке преградили путь. Никита с дэпээсником вытащили кавказца из машины. Тот никак не ожидал, что гнались за ним. Как потом оказалось, он несколько лет ездил по городу и совершал кражи в гаражах, сараях, квартирах, но никогда его не задерживали — а если и останавливали, то всегда откупался. А тут попался.

Вот-вот, крохоборов не трогают, а таких, как ты, увольняют...
От известия полегчало на душе: «Это непременно использую в суде».
Это солнышко грело и не грело...

Беспредельным перенапряжением сил и перебоями в сердце адвокат выдал двадцать пять плотно напечатанных страниц жалобы. В пору бы облегченно вздохнуть, да навернулись слезы. Он словно прощался с чем-то: с милицией, теперь — полицией, в которую все-таки верил, где сам служил, а теперь и его как будто вышвырнули. Прощался с судом, на который потратил столько сил и нервов, а тот оказался как бы и не судом, а судилищем. Прощался со службой сына, где прилично по меркам их города платили, где Никита был защищен, знал, что выживет. А теперь вера, надежда уплывали, и становилось до ломоты больно.

И написанное казалось как бы уже ненужным. Но подписал у сына листы, вставил в конверт: «Буду посылать».

На почте протянул конверт контролеру:
— Заказным...

Теперь казался себе не тем воюющим, пламенным адвокатом-трибуном, а убогим, что-то шамкающим своим потухшим голосом защитником. А что он будет говорить суду, в который не верит?
Холодом и сыростью летел, рвал, гудел, завывал ноябрь.

2

Федин мотался по командировкам и в областной суд заехал прямо с дороги: там начинали слушать апелляционную жалобу подполковника Гашина. Его, как и Никиту, уволили, а районный суд отказался восстановить.

Пожал влажную руку худящему Гашину, пухлую руку оперативно-дежурному Завальнюку, еще какому-то шкету в пиджаке, который был с ними. Подумал: «Может, это Сторышев? Этот черт, который заварил всю кашу с сыном...» Чувствовалось перенапряжение и готовность к худшему. Федин похлопал по плечу адвоката Гашина — подтянутого, спортивного:

— Удачи!

Напряжение сразу спало, когда в зал прошла шикарная, с распущенными волосами блондинка в мантии, родственница члена Конституционного суда. И сразу как-то брызнуло вокруг ярким светом. Хотя севшая за огромный стол рядом с ней другая блондинка с короткой стрижкой (третий в тройке судей, седовласый мужчина, отрешенно смотрел в сторону) что-то наговаривала, та словно не замечала.

Это расположило, и Федин обрадовался: «Не уделали с ходу подпол-

ковника». Вспомнил, что блондинка с распущенными волосами пришла в судьи из юристов районной администрации. Ее первые шаги напоминали движение неумехи. Тогда он вел у нее кое-какие дела и мог забросать жалобами, но не стал. Она замелькала по судейской лестнице и вскоре оказалась членом областного суда. Теперь увидел ее председателем в тройке. Подумал: «Хорошо, что не стал закатывать. Такая непременно должна помочь».

Блондинка с короткой стрижкой ему не понравилась. Она словно кусалась словами: «А что вы принесли...», стараясь отместить ходатайства адвоката Гашина. Но все легко разрешила шикарная блондинка, указав соседке на ее место. Все, что попросил адвокат Гашина — приобщить протоколы, приказы, постановления, — возымело действие, и с легкой руки блондинки дело отложили.

— Представьте заверенные копии доказательств! Вам неделя срок! — свет ламп блеснул на лице шикарной блондинки.

Через семь дней Федин тоже с дороги пожаловал в областной суд. Он искал именно шикарную блондинку и даже не пошел за Гашиным и его адвокатом, думая подойти к началу заседания. Когда до заседания оставалось пять минут, заглянул в зал, где неделю назад была та самая тройка с шикарной блондинкой: в зале на скамьях сидели бабули и дедули, но ни Гашина, ни его адвоката не оказалось.

Его ударило: «Снова отложили дело?»

Заметался по восьмизэтажке облсуда в поисках, где еще могло проходить заседание. Но нигде не увидел нужных ему людей. Сбежал на первый этаж к стенду с расписанием назначенных дел. Вел трясущейся рукой по строчкам, переходил с листа на лист, не находя фамилии Гашина, ужасался: «Неужели заседание отменили?» Наконец увидел фамилию подполковника и пулей взлетел на третий этаж: у первой же двери остановился — во втором ряду сидели Гашин и его адвокат. За ними выглядывало круглое лицо Завальнюка и еще какого-то субтильного шатена.

Зал оказался изрядно наполненным.

— Нашел... — облегченно выдохнул Федин и, кивнув адвокату Гашина, прошмыгнул в глубину зала.

Вот из двери сбоку от кресел появились три женщины: оранжево-рыжая плотная дама, ее он знал по одному из районных судов; блондинка — но, кажется, меньше ростом, с завязанным сзади хвостиком волос; и коротышка с маленьким личиком. Все в черных мантиях с белыми платочками с шеи на грудь. Он смотрел на блондинку и не узнавал ее: в ней не было прежней легкости и шарма. Ее черты как бы скукожились, глаза словно уменьшились, пряди волос точно ошипаны, губки ужались.

Заседание началось.

Думал, сразу начнут с Гашина, но начали с дела вояки, которому не заплатили гонорар за учебник. Он почти ничего не слушал, размышляя, как изменилась шикарная блондинка за неделю.

В перерыве подошел к адвокату Гашина, и только тут ему сказали, какая у шикарной блондинки фамилия.

— А я-то принял ее за родственницу члена Конституционного суда...

— У этой в роду одни кухарки...

— Ах да, — вспомнил он сияющее лицо шикарной блондинки. — Со всем запамятовал фамилию...

Адвокаты переглянулись с пониманием: блондинка с хвостиком явно не была подарком. Теперь он с ужасом представлял, как эти дамы разнесут в щепки их Гашина, который мял пальцы в ладонях, стараясь заглушить их тремор. Но при всем при том пиджачок сидел на его плечах безукоризненно.

Сзади Гашина перед Фединым наклонился вперед камнем-спиной оперативный дежурный Завальнюк, а рядом вытянул модельные остроносые туфли коротко стриженный, с полосой панка вокруг головы, шатен в джинсах и свитерке.

«Кто это?» — подумал Федин.

Когда слушали дело старушки, которая что-то хотела от собеса, и суд ушел в совещательную комнату, он подошел к коллеге-адвокату и спросил:

— Кто в джинсах?

— Этот, что ль?

— Да...

— Сторышев...

«Ах вот он! — волной поднялось в груди. — Это гнобитель сына!»

Захотелось его сразу ударить, плюнуть ему в лицо, брезгливо отвернуться, ущипнуть, а на худой конец, наступить на туфлю, выказать свою неприязнь; но, сжимаясь, прошел мимо и сел сзади. Теперь внимательно рассматривал его потертые джинсы («Ну и полковник!»); его острые носки туфель («Пижон!»); его прическу («Панк!»); скос его покатога лобика («Уродец!»); торчащий из его заднего кармана паспорт («Колхозник!»).

Судьи разбирались с делом гаишника, который поймал пьяного водителя, но вместо составления протокола поехал к нему домой, и его уволили... Видно было — ехал за деньгами. И ему в свете борьбы с коррупцией не повезло: в жалобе отказали. Он остался за бортом полиции.

Гашин и его кореш Завальнюк заерзали. Сторышев склонился вперед, словно готовый к старту бегун, потом откинулся, помял нос, сморщил мышинный лобик и потер рукой об руку. Федин следил за ним сзади, представлял, как этот панк-уродец издевался над его сыном, и его мутило.

Только адвокат Гашина в привычной для защитника позе с заброшенной на ногу ногой и закинутой на спинку скамьи рукой наблюдал за происходящим со спокойствием спартанца, но редкие хихиканья выдавали его нервное состояние.

Федин:

— Да, рубят!

Тут ощутил, что сидит под кондиционером, и поднял воротник куртки.

«Ноябрь, а они холодят!»

Смотрел, как рыжая судья кусала губу, поднимала глаза, опускала, а потом закрыла. Догадался: «Видимо, хотела гаишника восстановить, а ее послали лесом». Вот где коррупция процветает! «Раз гаишнику отказали, Гашину тем более откажут. Да и Никите будет тяжелее восстанавливаться».

Время катило к обеду. Федин собирался ехать по делам, но пришлось остаться до конца. От того, как решится дело Гашина, многое зависело у Никиты. Судьи нудно разбирались с пустяшным делом чернобыльца об индексации пособия, потом ушли в совещательную комнату и долго не выходили.

«Пьют чай?..»

Через тридцать минут вышли. Заметил, как они облизывали губы, подумал: «Обедали. А мы сидим безвылазно. Вот вам и тайна совещательной комнаты. Ну черти!» Даже студенту-юристу известно, что судьям совещательную комнату покидать нельзя.

И тут прозвучало:

— Дело Га-ши-на...

Гашин четко выступил: ничего не знал ни про вызов скорой, ни про побег, а узнал, когда все совершилось. Иными словами: его дело сторона. Его адвокат поддержал клиента. На что представитель областного управления полиции возразила:

— Он — ответственный. Отвечает за все...

Судьи из нее вытягивали:

— Ну за что именно, не общо...

А та все то же, к тому же кривляясь:

— Он за все... — Не называя ни одного конкретного факта.

Пошла свара: судьи пытались узнать у кривляки хоть что-то из допущенных нарушений, а она одно: он за все в ответе. Перетягивание каната обрадовало Федина. Блондинка с хвостиком жестко трясла представителя областного управления:

— Ну, ну...

А та попугайчиком: за все... за все... за все...

Судьи переглянулись, встали и вышли. Федин вздохнул, подошел к коллеге:

— Как ее опустили...

Он намекал на женщину-попугая. Пожал руку Гашину:

— Думаю, ваша взяла...

Пожав руку Завальнюку и ненавистному товарищу по несчастью Сторышеву, поспешил по делам. Названивал коллеге-адвокату:

— Ну как?

— Еще не вышли...

Снова:

— Ну?

— Еще нет...

И вот закричал:

— Ты — римлянин! — когда ему сказали, что Гашина восстановили. Мол, только такому воину под силу подобная победа.

4

Пришло время готовиться к делу Никиты. Дыша обжигающим горло воздухом и кашляя, Федин мотался по городу и собирал нужные документы, давно усвоив истину: без бумажки человек — букашка.

У следователя, который вел дело пойманного Никитой вора, просил: — Ведь сын помог... Поймал матерого преступника... Только у вас в районе пять палок...

— Да, пять краж... А по городу — пятнадцать, — набивал себе цену лейтенант.

— Вам писать пять минут...

— Но эти пять минут надо еще найти!

— Хотите, я сам напечатаю, а вы подпишете...

— Мне не доверяете?..

— Ну, найдите, пожалуйста, эти несчастные пять минут...

Прибежал к адвокату Гашина:

— Ты что-нибудь раздобыл?

— Вот постановление о прекращении дела. Побега не было... Вот протоколы из дела. Там много интересного...

— Дай мне копии.

Слал в управление полиции запросы и боялся:

— Черти, они же не ответят...

Вспомнив, что ему в декабре исполняется шестьдесят лет, спешил на радио договориться об интервью. Потом — в библиотеку на встречу с читателями. По дороге забежал на телевидение и умолял пустить репортаж об уничтожении дома священника на родине известного поэта, которого похоронили в этом году. Репортаж касался сноса дома.

— Что вы тянете? У нас в области остался единственный дом, где был Чехов. С него шифер сняли. Железо сдирают. Окна вытаскивают...

На что слышал:

— Мы разбираемся...

Надеялся всколыхнуть общественность и остановить вандалов. Идти в суд с таким делом посчитал бесполезным: пока будут заседать, дом растащат по бревнышку.

На нервах выбил справку у следователя о том, что Никита помог поймать вора, на котором висит пять краж. Другие справки запросил у следователей соседних районов. Из областного управления полиции получил копию приказа о поощрении Никиты.

— Выходит, объявляли благодарность! А они, черти, это скрыли. «Не поощрялся...»

Плохим словом помянул кадровиков-ответчиков, подчиненных Никишину, Шаталову, Астаных. Даже немного расслабился, пока не услышал по телефону из канцелярии районного суда: «Дело ушло в облсуд». И, уже не теряя времени, поспешил к заму председателя.

Поднимался на седьмой этаж областного суда, надеясь услышать от него слова поддержки, а тот:

— Вот получишь повестку...

Не солоно хлебавши вернулся домой.

Жизнь была ключом — но известно, по какому месту. Жену снова положили в больницу; самого одолевали кашель и рези в сердце; назначили дело об условно досрочном освобождении из колонии сироты; нервировал дом священника, где уже разобрали печь, а школьники ходили и стыдили «разрушителей», но отснятый репортаж не показывали; знакомого дальнобойщика хотели «ошкурить», пришлось ехать в Тамбов — сглаживать углы. Едва не задыхался от такой жизни — всем он нужен. А он со своими проблемами — никому. С его шестьюдесятью годами и хвоями. Пахал за всех и за себя. А за него — никто.

В свои права входила зима, а ему от хлопотливого жизненного ритма становилось жарко и душно, как на раскопегаренной печи.

Никиту распирало: Гашина восстановили, значит, и его восстановят. А отца что-то настораживало. Он понимал тяжесть положения сына и то, что все могло закончиться поражением. Но если бы ему сказали, что он выиграет дело Никиты, то согласился бы все свои последующие в жизни дела проиграть.

Это же сын!

Приближалось шестидесятилетие. Сам писал интервью с собой для газеты — журналистам, оказалось, некогда; сам готовил интервью на радио; сам посылал материалы в журналы, чтобы вспомнили юбиляра. Вся эта предъюбилейщина мешала сосредоточиться и собраться с мыслями для предстоящего суда.

Бесило: ведь сын пальцем о палец не ударил, чтобы победить. Все лежало на нем: заявления, доказательства, выработка позиции. Готовое выступление в рот клал, а он и тут огрызался: «Я что, маленький?!» Все это нервировало, и, как назло, трещали морозы: Федина после каждого выхода на улицу душил кашель.

Снова пришлось ехать в Москву по делу студента, воевать в суде, держа в подсознании всю неясность дела сына. «А нервы сдают от чего? От не-я-с-но-с-ти. А что если через неделю опустится занесенный топор, через две, через три... через месяц... два месяца?... И как — попадет ему по голове или мимо?»

Вот кое-что прояснилось: дело Никиты в декабре не закончится. Его назначили на 14 января. Докладчик — судья Закупова.

«Ура! — обрадовался Федин. — Можно отдохнуть, впереди больше месяца. Можно подумать и о шестидесятилетии».

Словно кто-то высший решил дать передышку отцу-адвокату, мол, отметь, отпразднуй, а там дальше паши. И не будет удара, когда в твой день рождения сына возьмут да и не восстановят. Подметил: снегом, как год назад, засыпало улицы. Тогда Никиту обещали перевести — а на самом деле все, как замороженное, стояло на месте. И продолжали третировать сына. Теперь не третировали. Он в свое удовольствие делал мебель.

Время позволяло готовиться постепенно. Наводил справки о судьбе с фамилией Закупова: уж не родственница ли однофамильца из того же облсуда, с которым он как не поладил когда-то Федин. Тогда защищал парня, которому шили убийство майора милиции, а тот этого совершить физически не мог... А вдруг это дочь того оппонента? Но посмотрел в адвокатский справочник: отчество не совпадает. А вдруг невестка? Ну и что?... Успокаивало: его человек из облсуда не мог отправить дело кому попало.

Федин отметил шестидесятилетие скромно, в кругу семьи, пришли близкие родственники и друзья. Зато шумно звучали передачи на радио, вышли интервью в газетах и в журналах. Пройдя красную ленточку шестидесятилетия, он не собирался прозябать на пенсии, а продолжал адвокатствовать.

Он даже не заметил, как приблизился день суда студента. Предновогодняя поездка в Москву воспринималась прогулкой, хотя и по морозу. Она его не тяготила, а, скорее, веселила. Судьи никак не могли принять решение, футболя дело из районного суда в Московский городской и обратно. Не очень веселым оказался приговор: студента опять не оправдали, а осудили, хотя и условно. Сироте тоже не повезло: бабулька-судья его из колонии не выпустила, хотя все говорило в пользу сироты. А поделник, осужденный по такой же статье на такой же срок, уже гулял на свободе. Как заметил приятель Федина, у судьи сердца не хватило.

Не очень радостным оказался Новый год: давило ожидание суда сына и ныло: зачем мне выпало это? Еще не наступили праздники, а Федин слег от скакнувшего давления и несколько ночей был едва ли не в бреду: сто-

нал и вскакивал с постели, подходя к окну, за которым лил странный для января дождь. Ощущались эти минуты как чуть ли не последние, ответственные ему в этом мире.

К самому главному делу жизни — делу своего сына — он оказался неподготовленным физически. Наглотавшись таблеток и сбив давление, съездил в областной суд к своему человеку. Он ждал, что его заверят в победе, но его даже не успокаивали, сказав появиться за день до суда.

Сын опять ерепенился, по-детски надеясь, что пронесет, что все само организуется; а отец заново перелопачивал в памяти детали дела и пил таблетки, чувствуя, как тошно на душе, как ноет в области сердца, как мутит от непрекращающихся дождей. Странно: в Америке температура упала до минус 40, замерз Ниагарский водопад, а в России безбожно лил дождь.

«Вот она, участь отца... Будешь подыхать, а о тебе никто и не вспомнит. Разве что женушка. Моя единственная отрада».

Надеялся, что сын объявится хотя бы за три дня до суда и они начнут готовиться, но тот бросил: «Зачем это надо?»

Думал, объявится за два дня, — но тоже не появился.

В одиночестве обдумывал каждую мелочь дела.

6

Утром 13 января поехал в областной суд, сдал в канцелярию написанные ходатайства. Сын появился только во второй половине дня. Теперь вместе поехали в суд узнать, где состоится заседание. Отец хотел еще предупредить заместителя председателя о рассмотрении дела.

Сын рулил и огрызался: «Я с тобой не пойду».

Отец молчал. Потом попросил:

— Никита, выключи приемник, и так голова раскалывается...

— Вечно у тебя... — Никита сделал звучание тише.

Как ни упирался, но сын все же пошел с отцом в облсуд, поднялся на крыльцо огромного судейского здания, в просторном мраморном холле в списке дел на стене искал свое. Воскликнул:

— Вот оно!

— В каком зале?

— Комната 618...

— Докладчик?

— Судья Закупова... Тварь небось...

— Ты в суде не один! Услышат приставы, и тебя за оскорбление...

Показал на людей в черной форме у входных дверей.

— Они далеко...

— А в тройке еще кто? — поинтересовался отец и, прочитав фамилию шикарной блондинки, обрадовался.

Добавил:

— Третий твой однофамилец...

Не раз видел в судах этого молчаливого, сидящего словно для ширмы, судью.

— Давай посмотрим, где наш зал...

Решил на всякий случай показать сыну, если тот припоздает.

Зал нашли быстро. «Теперь хоть знает, куда идти...» — упокоился Федин. Отправив сына на первый этаж, зашел к зампредседателя.

— Они сегодня совещались, — сказал тот, обнадеживая. — Главное — не спешить...

- Я с утра отправил ходатайства...
- Правильно, я их уже отписал...
- А кто такая Закупова?
- Очень грамотная судья. Разберется. Повторяю: главное — не спешить...

Боясь спросить, какое будет решение, пожал руку зампреду и поспешно вышел.

Подъезжая к дому, спросил у сына:

- Так будем готовиться?
- А сколько? Часа хватит?
- Три...
- Что там делать? — завелся Никита.

Он закрыл на ключ «хонду» и уныло пошел за отцом. Они сели в комнате. Коротким, вопреки ожиданиям Никиты, разговор не получался. Чем глубже вникали в дело, тем больше возникало вопросов. И тем хуже чувствовал себя отец, при каждом взрыве эмоций сына чувствуя, как взлетает давление. Убирал с дивана бумаги и ложился, боясь, что схватит гипертонический криз и он уже сыну не поможет. Но и ему больше никто не поможет. Чувствовал, как вздрагивала в соседней комнате жена при каждом долетавшем до нее крике. Эмоции вспыхивали, когда всплывал тот или иной орех, который могли бы уладить раньше, но теперь все валилось в кучу, а разгребать ее оставалось все меньше времени. Когда отец уже десятки раз встал, десятки раз лег, десятки раз сел, когда бессчетное число раз перелистали тома, перетолкли, как вести себя в суде, — стукнуло десять вечера.

— Вместо часа просидели пять...

Провожая сына, отец держался за стену:

— Если завтра мне совсем худо станет, ты уж сам...

Сын уехал. Жена померила давление.

— 170 на 110... — сказала, отклоняясь от тонометра. — Может, скорую?

Отрицательно мотнул головой, вспомнив, как не повезло сыну с его вызовом скорой для сломавшего ногу хулигана. И, ложась в кровать, попросил:

— Ты мне лекарство дай... И стакан воды запить...

Выпил несколько таблеток, лежал, а в голове колом стояло дело, и не было никаких признаков, предвещавших крепкий сон.

«Если не усну, то завтра не встану».

И почему-то вдруг жалко-жалко стало себя.

Через два часа бдений провалился в сон.

Открыл глаза: жив... Смерили давление — как вечером...

Пришло в голову: не все сделал! Федин спешно допечатывал нужные бумаги, когда приехал сын. Никита стоял с виноватым, несколько растерянным видом, но отец ни словом не обмолвился ни о вчерашнем вечере, ни о предстоящем суде. Видно было, что обоих одолевала тревога. Хотя сына вдохновляла победа в суде Гашина, а отца — что его страхует большой человек. Набили два портфеля бумагами, кодексами, водой, лекарствами.

Отцу дышалось тяжело. В деле постороннего он бы и не подумал ехать в суд, но тут сын — ничего другого не оставалось. Раз ноги держали, надо было двигаться.

Даже в салоне «хонды» казалось душно.

— Выключи музыку.

На этот раз Никита выполнил просьбу без пререканий.

Когда зашли в суд, поднялись на шестой этаж и заняли места на первом ряду, адвокат заволновался: не подкачает ли здоровье, хватит ли сил? И рисовалась картина — подъезжает карета скорой помощи, из нее выходят люди в белых халатах и спешат к нему. Да только поздно...

Сын сел сбоку, зал заполнили люди.

Вот вошла та самая шикарная высокая блондинка с вьющимися волосами. Понял сразу, безошибочно: она! За ней — громоздкая шатенка. Дошло: Закупова. Хотя думал, что появится щупленькая дама. И — молчаливый его однофамилец.

«Да... — Оценил широкую челюсть Закуповой. — Такая слопает и не подавится».

Успокоило: «Ничего, если что, шикарная блондинка выручит».

Обратил внимание на ее завитые волосы.

Раскладывал бумаги: «Сейчас начнут».

Сначала слушали дедка с палочкой насчет продажи дачи, потом — вдову чернобыльца о пособиях. Отец и сын ежились от назойливого холодного ветерка, который гнал со стены кондиционер, терпеливо ждали своей очереди. Их дело все откладывалось. Когда тройка судей удалялась на совещание в соседнюю комнату, отец выходил в коридор, открывал окно и, озирая синий простор над проспектом Революции, старался надышаться впрок. «Так дольше выдержу», — думал он. Кашлял от морозного воздуха и успокаивал дежурившего в коридоре пристава: «Давление бьет...» Чувствовал себя Федин скверно: то ли сужались сосуды, то ли расширялись. Он судорожно трогал в кармане тубик нитроглицерина и пачечку таблеток. Когда уже подумал, что дело отложили на самый конец, вдруг

сказали:

— Слушается... по жалобе... об увольнении...

Отец прокашлялся, встал:

— Вот есть ходатайства...

Им владела уверенность, что он разом улучшит положение сына. На худой конец, дело отложится, как отложили первое заседание суда у Гашина. По двум-трем бумажкам, а у него их скопилось десятки.

Блондинка как-то нахохлилась. И понеслось: зачем? Как? Кому это нужно?..

— Ходатайство об объявленной благодарности, — объяснял отец. — Это же поощрение!

— А почему не предъявляли в районном суде? — изменилась в лице блондинка.

— Не знали. Получили после суда...

— Хм...

— Вот о том, что истец поймал вора.

— Зачем это?

— Как? Он город спас от мародера. Это должно учитываться...

— Хм... Дальше...

— Вот определение вашего же суда. Гашин восстановлен...

— Это зачем?
— Что приказ об увольнении уже частично незаконен...
— Не понимаю...
— Вот приказы, что уже с других фигурантов спорного приказа сняты взыскания...

— Тоже не понимаю...

«Как не понимаю?! Ты же их приняла в деле Гашина!»

Продолжил:

— Вот... В суде слушали неизвестно что... Но не запись речевого регистратора речи... Вот ответ из полиции, уничтожена запись...

— М-м-хм...

У блондинки искривилось лицо.

— Вот ответ. Приказ МВД, на нарушение которого ссылаются, вообще в управление не поступал...

Он говорил, а блондинка возмущалась, и он не понимал почему. Она с лету приняла подобные доказательства в деле Гашина.

«А эта докладчица что молчит? — адвокат глянул на Закупову. — А этот?..»

Однофамилец подпер щеку, как будто у него там чесалось.

— В ходатайствах отказать, — выдала блондинка, лишь для виду склонив голову к коллегам.

«Ого! — пронзило адвоката. — Эта шикарная дама играет против!»

Видимо устав слушать адвоката, блондинка подняла Никиту. И стала загонять вопросами в угол:

— Ты видел постановление суда о розыске Шиловвертова? Да или нет? Видел или нет?

Отец хотел пояснить: это имеет лишь косвенное отношение к делу. Привстал:

— Я поясню...

— Вы сидите, — обрубил блондинка.

Стало горько: в деле Гашина дали высказаться его представителю и не затыкали рот.

— Позвольте, — снова привстал адвокат.

— Вам делаю замечание. Будете нарушать — попрошу вывести! — рявкнула блондинка, еще минуту назад казавшаяся ему шикарной.

«Вот стерва! Сама себя как ведет! Рот затыкает!»

Блондинка давила на Никиту, а тот как мог объяснялся.

— Мне все понятно, — откинулась на спинку кресла блондинка.

8

«Да... С такой хамкой...»

Желая поправить ситуацию, Федин решительно поднялся. Он объяснял, что задержанный был доставлен за мелкое хулиганство; что личность его не была установлена; что его звонок близким законен, ибо ограниченный на звонок для такого лица нет, тем более у него был перелом стопы; необходим был вызов скорой для замены пришедшего в негодность гипса; никаких слов при разговоре по телефону о побеге не прозвучало; вообще побега как преступления не было, ибо дело прекращено; более того, хулиган убежал из-за головотяпства опера, с которым они на пару распивали в больнице...

И закончил:

— Вот и получается: задержанный — неизвестно кто. А постановление на розыск Шиловертова. Какое имеет отношение к задержанному постановление? Вот установят личность, найдут документы, тогда...

Еще на многие огрехи мог бы указать Федин. Все это суд, по словам его большого человека, обязан был не спеша разобрать.

Блондинка же напирала на одно:

— Видел, не видел...

А громоздкая докладчица сидела, словно набрала в рот воды. Но адвокат не сдавался, прося прослушать запись.

— Она у меня есть! В ней нет ничего крамольного...

Но от блондинки звучало одно: нет, нет и нет. Когда тройка удалась в совещательную комнату, отец с сыном вышли в коридор.

— Я никак не ожидал, что заткнут рот! — сокрушался отец. В словесной перепалке он словно забыл о нехватке кислорода, повышенном давлении, болях в сердце и теперь мог только поражаться, как все выдержал.

Подходили коллеги, ожидавшие рассмотрения своих дел:

— Как она дала тебе столько говорить...

— Обычно затыкает с полуслова...

Вот этого «обычного» Федину и не надо было, он хотел, чтобы внимательно разобрались. Только в эту минуту он услышал свист в ушах и ощутил острую нехватку воздуха. Шагнул к окну и открыл его нараспашку. Тут же подскочил пристав.

— Да не волнуйтесь. С шестого этажа прыгать не буду. Здесь вот давит, — показал на грудь.

— Все равно, — пристав прикрыл окно на треть.

Отец смотрел на огромное манящее пространство внизу, и ему было в вистки.

Когда зашли в зал, он еще надеялся, что люди в мантиях в совещательной комнате взвесили все за и против, не спеша разобрались; что, в конце концов, они пожалеют молодого парня, который не обобрал, не избил, а, наоборот, поступил по-человечески. И сквозь продолжавшийся в ушах свист тупо слушал мерный голос громоздкой Закуповой.

— Отказать... — прозвучало как-то неожиданно.

«Вот ты где рот открыла...»

Еще что-то объясняла вновь влезшая блондинка, но адвокат ее не слушал, запихивал в портфель разложенные бумаги, а потом бросил сыну:

— Пошли...

Никита еще улыбался, но улыбка казалась искусственной. Адвокат ходил по коридору из конца в конец.

— Иди вниз и жди меня там... Мне тут надо с одним поговорить, — сказал он сыну.

Никита скрылся в проходе лестницы, а отец поднялся на следующий этаж. Ему хотелось выяснить: как это так, в районном суде его размазали, хотя он рассчитывал на помощь зампреда, сегодня вообще кинули, хотя зампред уверял, что не спеша разберутся. Как это так?!

Улыбчивая секретарь сказала:

— Он на перерыве...

— Ах да! — глянул на часы.

Следовало уйти, благоразумнее было поступить именно так, не пороть горячку, но его как примагнитило к седьмому этажу. Ходил по коридору

ру, ожидая возвращения знакомого, спустился на первый этаж и отправил Никиту сидеть в машине, а сам два раза сделал полукруг около здания, не упуская из виду крыльцо входа, опять вернулся на седьмой этаж и вот заметил выворачивающего со стороны лифта зампреда. Сразу, пугаясь:

— Даже Никиту не спросила... И давить... Эта кучерявая цапля...

Так теперь Федин назвал блондинку. Не знал, в курсе ли зампред о решении суда. Но тот остановился и, как бы уклоняясь:

— Да вот... Сланцы... Это у них сигнал к побегу...

Понял: в курсе.

— Да какой побег, если опер с этим кадром напился... Никита-то при чем?

— Видимо, позвонили... — произнес зам.

— Вам?

— Нет.

— Но ведь не разобрались... Закупова ни одного вопроса не задала...

Хотел напомнить, как высоко тот отозвался о судье-докладчице.

Понял, как его водили за нос, когда дело рассматривалось в районном суде, намекая: все будет нормально. И в областном... Докладчица Закупова не то что не спеша не разобралась, а даже рта не открыла. А блондинка давила.

Не зная, как и что еще сказать, Федин устало махнул рукой:

— Ну я зайду...

— Да, у тебя еще две инстанции...

Снова обнадеживал.

«Красиво сказано. То было три инстанции. Теперь две... Эх, судьи!

Как и полковники — менты поганые! Сколько те с переводом мурыжили. А теперь эти судами за нос водят».

Федин не дошел до кабинета заместителя председателя и повернул на лестницу.

9

Ехали назад, а Никита все:

— Ну я им!..

— Да. Ты им...

— Вот будет еще рассмотрение...

— Если подадим жалобу...

— Тогда и...

— Что тогда? — отец только теперь почувствовал, что оживает после нескольких часов пытки.

— Да есть одни способ...

— Какой?...

— Шантаж...

— Идиот, тогда и восстанавливать будет некого.

Он понимал, как накипело на душе у сына, который не смог противопоставить судейскому беспределу что-нибудь действенное. Проигрывал один суд за другим. Вот и грозил. Федин вспомнил, как сам грозил поджечь военное училище, когда его оттуда попросили. И каким мальчишеством это казалось теперь.

— Фильмов посмотрелся...

— Да нет... Только людей нужно надежных найти, — твердил Никита.

— Ты при матери это не говори...

— Вот когда их ребенок будет сидеть в одном месте, я посмотрю, какое решение они вынесут.

— Ой, ради Бога, не надо...

Ехали, теперь музыка не играла. И только охвативший улицы холод раздражал похрипывающее горло.

Дома отец сказал сыну:

— Извини, я сделал все, что мог...

Тот пристально посмотрел на него:

— При чем здесь ты...

А жена, увидев живых и здоровых, обрадовалась: больше волновалась не за решение, а не случится ли что с мужем или сыном.

Но они выстояли.

Весь вечер отец ходил как неприкаянный и все не мог понять, почему его водил за нос ходатай; почему не раскрыла рта судья, которая обязана была спрашивать и выяснять; и в ушах стучали фразы, в уме вертелись сцены из заседания суда. И ничего не лезло в голову: не мог ни слушать радио, ни смотреть телевизор, ни говорить что-нибудь.

До ночи названивал знакомым и узнавал детали, которых раньше не знал. Что эта шикарная блондинка когда-то работала секретарем в гарнизонном суде, разведена, теперь связалась с полковником, который командовал миграционной службой; в общем, та еще шалава... И ругался, как ругался и грозился Никита, все больше понимая, как оскорбило его это дело. Выходило, что ему, отдавшему жизнь правосудию, руки не протянули. Для кого-то суд вершил, что было нужно, а для него пальцем о палец не ударил.

И это было страшно.

Унизительно.

И противно...

Внутри поднималась волна гнева: накатаю на судью-пампушку, накатаю на генерала Сусоева, накатаю на полковников и того, с которым связалась разведенка-судья, превратившись из шикарной блондинки в шлюху. Накатаю на шлюху! Компромата на генерала собралось с лихвой: Никиту не перевел, контракт с ним отсутствовал, подмахнул приказ, в котором столько огрехов и ссылки на несуществующие приказы МВД; в суд представил непонятную запись речи; привез с собой руководителем пресс-службы девку, которая от него забеременела, — а как дошло до родов, сослал подальше от себя.

Жалоб на растленного начальника мог накатать в Москву сколько угодно! Даже чисто адвокатски, ведя другие дела...

И это приносило хоть небольшое удовлетворение.

10

Узнал: назначили дело оперативного дежурного Завальнюка. Ему, как и Никите, отказали в восстановлении, и теперь он обжаловал решение в областном суде.

На дело поехал без сына. Тот, как всегда, переложил свои проблемы на отца. Когда Федин зашел в зал, его с ходу опарашил адвокат Гашина. Теперь он защищал Завальнюка.

— Сторышева вчера восстановили...

— Как?!

Он не знал, радоваться или нет, но для приличия похлопал коллегу по плечу.

— Да поймали на пропуске срока... Заключение составили 15 июля, а уволили 26 августа, — говорил коллега.

— Месяц пропустили! — Федин был наслышан о жестком сроке. — Интересно, как он выйдет на службу, ведь все его недруги разбегутся по щелям...

— Да боится выходить, ведь разметут... — Глянул в потолок, намекая на увядшее начальство. — Пока взял отпуск...

Федин снял куртку, сел на скамью позади Завальнюка, положил одежду на пустой стул. Чувствовал, как резко стучит сердце, и, боясь, что снова прыгнет, а то и зашкалит давление, кусал губу: «Что ж так? Этого черта, который душил Никиту, восстановили. А сына — нет. Какая несправедливость!»

Он никак не ожидал подобного. Даже был уверен, что уж садиста-полковника не позволят вернуть. А — возвращали... Гашина... Сторышева...

Впереди блестела бритая голова адвоката Завальнюка. Выгнулась медвежья спина бывшего оперативного дежурного.

«Еще его восстановят!»

Друг за другом стайкой зашли огненно-рыжая плотная дама («Восстановливал Гашина», — вспомнил Федин); еще рыжая с прической каре и блондинка с пухлыми щечками, губками дудочкой и мешками под глазами. Огненно-рыжая бесстрастным голосом начала: так и так, проштрафился, отправил хулигана в больницу без должной охраны, прохлопал побег. Ясность, как в деле Гашина, улетучилась. Завальнюк закусил удила, гнул свое: не видел, не знал, что там произошло, ни при чем.

Федин думал: «Хочет проскочить под дурачка, как проскочил Гашин, как всплыл Сторышев». И, как от больного зуба, заныло: Гашин восстановлен, Сторышев восстановлен. Сейчас еще Завальнюка восстановят, и Никита останется один...

Услышал слова Завальнюка, что Никита про хулигана со сломанной ногой ему не докладывал.

«Что ж ты, падал, врешь! — забилося в груди у Федина. — На моего сына валишь».

А тот брыкался. Федину хотелось схватить за штаны Завальнюка и посадить. Но бывший оперативный дежурный продолжал. Блондинка кивала. Рыжая, что с каре, замерла. С головы свисал на лоб локон и качался. Она его сдувала, забрасывала ладонью за ухо.

Вот встал лысый адвокат и тоже разошелся. Федину показалось: Завальнюка восстановят!

«Вот будет хохма — сын адвоката, пожалевший хулигана, окажется в пролете, а те, кто ничего доброго не сделал, будут оправданы».

Когда судьи стали друг к другу наклоняться и перешептываться, он уже готов был уйти. Казалось, все предрешено. На душе стало мертвенно тихо. Голоса ответчиков — дам из областного и городского полицейских управлений — слушал совсем безучастно. Когда судьи вышли, Федин решил уйти в коридор, считая, что лучше заранее удалиться от окончательного позора. Тем более что раньше получаса судьи вряд ли появятся. Так было в деле Гашина, в деле Никиты.

Прощально похлопал по плечу Завальнюка, на что тот сверкнул влажными глазами, пожал руку коллеге-адвокату, который странно улыбнулся.

И тут судьи вернулись в зал. Выходило: совещались недолго.

«Все ясно. Мы с Никитой остаемся одни, — Федин сжался, ожидая окончательного удара. — А может, это и лучше. На этом закончатся мои страдания. Не придется больше иметь дело с полковниками, спасти Никиту».

Судья-докладчица склонила голову — огненно-рыжий локон располовинил ее лоб, — нудно говорила что-то маловажное, пока не произнесла:

— Оставить в силе...

Федин почему-то облегченно вздохнул: «Мы — не одни!» — Завальнюку тоже отказали. Еще долго в коридоре обсуждали с коллегой-адвокатом, как воевать дальше. Выйдя на улицу, позвонил сыну:

— Завальнюку отлуп... — Кашлял на морозе. — Но не это главное. Ты со стула упадешь: Сторышева восстановили...

— Вот это да! — вырвалось у Никиты. И после нескольких секунд молчания: — А меня восстановят?

— Биться будем...

Чертыхаясь и кашляя, дома рассказывал жене про удачу Сторышева. Остаток дня лежал на диване и смаковал, как доложат о победе садиста-начальника генералу Сусоеву, как скривится Никишин, как зачесет макушку Шаталов, как вспотеет Астаных. Не в силах подняться, проклинал судьбу, которая заставляла дальше биться за сына, тогда как явно виновные пройдохи могли почивать на лаврах.

Город засыпало снегом, и нещадно похолодало. Температура ползла все ниже и ниже, напоминая о каленых прежних зимах. А Федин не особо чувствовал холод, воспринимал все заторможенно. Он никак не предполагал, что события повернутся таким образом: ждал победного финиша, а оказался аутсайдером.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

1

Федин решил сразу взяться за кассационную жалобу. Но никак не мог заставить себя начать: она тоже казалась какой-то неподъемной. Так прошло несколько дней мучительного ожидания рабочего состояния, созревания мысли. Наконец-таки устроил на животе ноутбук и, лежа в кровати, нажимал кнопки клавиатуры, погружаясь в текст, как в трясину, из которой не светило вскоре выбраться: путались факты, переплетались объяснения, сталкивались фразы, громоздясь в какую-то кучу. Выхватывал из этой мешанины одно, искал другое, а в глаза лезло третье, чему еще не нашлось подходящего места в тексте и что отбрасывал в сторону. Казалось, он неминуемо сдастся, но с каким-то остервенением настойчиво и уперто Федин продолжал печатать все новые строки одной из самых важнейших в его адвокатской жизни жалоб, печатал не как всегда, когда мог и схалтурить, — теперь позволить себе подобное он никак не мог. Жалоба касалась сына.

Печатал войдя в раж и под вечер, словно сбросив с себя чешую, выбрался на свежий воздух, всеми клетками тела ощущая: как ни крути, тоннель к финишу он пробил, и то, что осталось пройти, осилит на другой день. Так и получилось: на завтра он разобрал оставшиеся завалы, систематизировал фразы, вычистил текст. Выдохнул:

— Ну, basta! Тридцать страниц!

Проект жалобы был готов. Оставалось получить определение областного суда, что-то подрихтовать и отправлять.

Федин заглянул в интернет и увидел: задержан вор, совершивший пятнадцать краж из гаражей... Спросилось: не тот ли, кого поймал Никита? Прочитал дальше: в ходе розыска... Внутри поднялось: да какого розыска?! Его же никто не искал. Он всюду откупался. Откуда эта информация? «По сообщению пресс-службы управления полиции...»

— Вот черти! — ругался вовсю. — Всякий тянет одеяло на себя: эти что, искили? Да они и не чесались! Только и хотят себя выпятить, показать, какие они молодцы. А о настоящем молодце-то и не вспомнили.

«Как та тварь-прокурорша... — На память пришла советник юстиции, которая разместила информацию на сайте облпрокуратуры. — Протрещала, какие они хорошие. Вот засудили Никиту, а на самом-то деле не все оказалось правдой, что она протрубила на весь край!»

Снова мысли вернулись к Никите: «Всюду используют его только для себя».

2

Воскликнул: «Это нечто!»

Наконец-то получил определение областного суда по делу сына. Читал и чертыхался, крыл матом судей — и хорошо, что их не оказалось рядом. Он не ожидал, что такими попугаями окажутся судья Закупова с блондинкой-стервой и молчаливым однофамильцем.

Поправлял жалобу на мониторе, печатал, сканировал и выводил копии документов, складывал в стопочки, потом эти стопочки разбирал, снова что-то правил на мониторе, снова распечатывал и заменял. И все это действие, сопровождаемое чертыханием, длилось до полуночи и с уже меньшей руганью продолжилось утром, когда окончательно скрепил три стопочки бумаг, которые собирался отвезти в областной суд.

На улице расквасило, и не хотелось ехать, тем более что знал: как всегда, прочит ногги. И, оттягивая время, мерил давление. Оно оказалось высоковатым, но не запредельным. И невольно посылал матерные слова и в адрес Сторышева, который не только восстановился, но и сразу, как сказали, слинял в отпуск, чтобы там расслабиться. Он свой вопрос решил, а вот Никита оставался за бортом.

Его ругань напоминала вой заложника, которого скинули в подвал: кричи не кричи — ничего не добьешься, разве что стены осыплются ручейком песка. Но ехать в суд пришлось, на перекладных. Одна маршрутка неслась по стылому городу, потом — другая, и вот он вошел в монументальное здание облсуда рядом с кафедральным собором, куда люди тянулись, а к облсуду — напротив: с опаской подбегали и спешно его покидали.

Сдал три стопочки жалоб млажавому секретарю, который с пониманием кивнул.

— Да вот... На старости лет приходится судиться за сына...

Выходя от секретаря, свернул к лифту, чтобы подняться на седьмой этаж к заместителю председателя. Еще думал, что сказать тому, как двери лифта раздвинулись — и он увидел перед собой зама.

— Я к вам... Жалобу сдал...

Снова оказался в лифте, старался на ходу донести до зама суть жалобы. На промежуточных этажах входили помощники судей с томами дел, заскочил мужичок с отвислой шишкой на шее. Они мешали договорить о том, на что хотелось обратить особое внимание. Зампред из лифта напрямую скрылся в комнате, где пятью минутами ранее адвокат оставил жалобу.

Но все-таки Федин добился разговора. В новом масштабном кабинете зампреда с окном широченного, как на капитанском мостике, обзора начал рассказывать. Хотел разъяснить жалобу до мелочей, чтобы на этот раз все «понятно» не прозвучало холостыми выстрелами.

Прощаясь, зампред положил перед собой календарный листок:

— Вот Черняев...

Только потом до адвоката дошло: это судья, которому зампред отписал жалобу.

«Черняев?»

Вспомнил, как судья с такой фамилией с подачи одного профессора отбросил в Видное под Москвой дело его клиентки-банкирши, и он туда потом ездил. Да, тогда президиум прошел как по накатанной.

«Значит, если отписали ему, будут отменять... Это ж хорошо!» С приподнятым настроением выскочил на улицу. «Надо ж, Черняев!»

Теперь тот, кто в деле банкирши сделал ему бяку, оказывался хорошим! Он должен был теперь подложить бяку гнусным полковникам и генералу.

И в тон настроению яркой белизной играло покрытое накануне мраком пространство улиц, парка, тротуаров.

Радость радостью. Приходил к заму, заставлял и не узнавал ничего нового, а когда не заставлял, слышал от улыбчивой секретарши: то шеф в командировке, то взял неделю отпуска. И его одолевала уже привычная неясность: как дело сына?.. И даже с опаской воспринимал возможную победу: восстановят Никиту на службе, а выходить на дежурство ему уже не хочется, лучше мебелью заниматься. У сына появились свои клиенты, дело раскручивалось.

Снег уже растаял на тротуарах, уже лужи исчезали под солнышком, а ожидание словно застыло нетающей ледышкой.

3

Но все снова шло не в масть. Больно отзывались события на Украине, где жили родственники жены. Ловил зампреда. Приехал к нему в понедельник — он оказался в Москве. В четверг заглянул — а у того, оказывается, день рождения. «Шеф всегда на этот день берет отгул», — так с бессменной улыбкой сказала его секретарь. Ждал в пятницу — а сыну уже кто-то позвонил и сообщил, что жалобу рассмотрели не в его пользу...

Федин готов был взорваться: где его человек? Днями безуспешно мотался в областной суд, а ночи напролет сверлил себя вопросами, адресованными зампреду: «Что же вы, уважаемый? Что сделали по моей просьбе? Палец о палец хоть ударили?» И с ожесточением вновь и вновь собирался в суд — прояснить ситуацию с сыном и на этот раз непременно высказать заму все, что о нем думает.

Но брала оторопь: если не помогут в областном суде, останется третья инстанция — в Москве. А к кому тогда обращаться? У него в Верхов-

ном суде своих людей не было. И мысли снова замыкались на замае, к которому придется идти, чтобы повлиять на столицу. Соваться туда самому?.. Над ним только посмеются.

Трудно сказать, после какого по счету визита в областной суд перед Фединым объявился холеный зампред. Он сразу взял быка за рога: только открылась дверь и на пороге появился Федин — вскочил и вышел из кабинета.

Вскоре вернулся:

— Уже отказали.

Развел руками.

«Был у Черняева».

У Фебина рвалось изнутри: «Так вы просили? Ваша роль какая?»

— Так вы же... Я надеялся, — говорил прямо.

— Линия выработана: твой сын — крайний.

— Так зачем я к вам приходил?

Зампред, не слушая:

— Уже и определение выслали...

Федин зло:

— Но начальник отдела восстановлен. Зам восстановлен...

— Да, я знаю...

— Вы восстанавливаете тех, кто деньги берет, а мой — сделал доброе, позвонить дал калеке...

— Вы кого имеете в виду? — лицо зампреда покрылось испариной.

— А хотя бы начальника участковых Першина. Уволили за поборы.

Так его тоже восстановили...

— Я вам сказал: нашли крайнего, — смахнул испарину платком зам-

пред.

— Но мне от этого не легче...

По холеному лицу зампреда забегала счастливая волна: он отдохнул в эти дни прекрасно!

Федину сделалось тошно от того, что связался с судами. Что столько бился и верил в судей. Жутко, что теперь эта вера потеряна. Теперь судьи им воспринимались хоть и не отъявленными мерзавцами, но достаточно плохими людьми.

И так и рвалось: «А твой сын попадет? Как сам завоюешь?!»

В кабинете с обдуваемыми из приоткрытого окна шторами сделалось душно.

Федин вспомнил о третьей инстанции:

— А в Москву? Там поможете?

Спрашивал и думал: «Вот так же позовет — сторонним наблюдателем».

Теперь кто ни встречал Фебина, спрашивал: «Что мрачный такой?»

А ему даже ответить не хватало сил.

Жалоба в столицу писалась и не писалась — выжимал ее из себя адвокат, уже мало надеясь на удачный результат.

А зам намекал на победу.

Федин пытался повлиять через дружка из Москвы, который верховодил в столичной областной палате адвокатов. Но москвич развел руками:

— Мой человек не может...

«Эх, случись такое с твоим сыном — смог бы», — констатировал Федин.

В городе уже сушило, как в Астрахани, а всходы на лужайках, не успев взойти, пожелтели, когда немеющие руки Федина дописали жалобу и компьютер выплюнул ее многостраничной толстушкой.

И толстушка эта, в трех экземплярах, чуть не разорвав пакет улете- ла со стола почтового отделения в горку отправляемой корреспонденции.

Зам ехал в Москву и обещал посодействовать. Федин снова ему пове- рил: «Ведь поговорит...» А тот приехал и сказал:

— Говорил...

Федин хотел уточнить: о чем? Но тот заверил:

— Я фамилию назвал и суд...

— Кому?

— Дело будет у Гетман... — К фамилии добавил женские имя и отче- ство.

— Мне что-то надо?

— Да нет... Она: «Что сами-то не решили?»

Слова зампреда подействовали убедительно. «Значит, не врет: гово- рил». Заныло: «Помогла бы...»

На улице жарило. У Федина ныло сердце, он каждый день старался съездить на речку, прогреться, искупаться, поддержать здоровье. Но из-нутри припекало: «Не обманули бы на этот раз!»

Он ждал. Уверял себя: поможет... И представлял, как судья запро- сит дело, как оно ляжет двумя томами на стол, как потянется рука от- крыть первый том, как долистает до конца второй. Словно она изучала дело своего сына!

Вот бы!

А как же иначе?

Фамилия судьи говорила, что по-другому и быть не может. Для лю- дей с такой фамилией каждый человек — что сын!

5

Пронесся ливень, освежив город. Воспрял духом и Федин. Жалоба значилась на сайте Верховного суда на рассмотрении, зампред снова ездил в Москву, но нового ничего не сообщал. Ныло в душе у адвоката: ког- да же все кончится? Но жил надеждой: ведь Гетман сказала... Значит, запросила дело... Значит, вникнет...

Принесло осеннюю прохладу, стало зябко: 13 градусов. Ветры подхле- стывали дожди.

Заглядывал на сайт Верховного суда и замирал от неискоренимой на- дежды прочитать: дело истребовано, передано на рассмотрение коллегии, состоялось заседание...

Но вотбрякнуло прямо по башке: «В жалобе отказать!»

Ну и ну! Завыл белугой. Выходило, его зампред опять наврал!

Дело не запросили, и ни с кем он и не разговаривал, ни с какой Гет- ман! Этой мифической судьей! А Федин, идиот, в который раз доверился: ну не могли же врать в Верховном суде... А выходило: могли. Круг замк- нулся: везде обманули, кинули, обогали...

Прийти на старости лет к такому выводу страшно. Его возраст уже не позволял заняться новым делом. Как-то автоматически ждал опреде-

ления Верховного суда, надеясь увидеть решение, отличное от написанного на сайте.

Жарило-жарило и дожарило.

Взяв пакет из Москвы, еще на что-то надеялся... Но пожалел, что распечатал. Руки тряслись, когда бумаги летели в урну.

— Из Верховного? — спросила жена.

— Да, — кивнул.

— От Гетман?

— Если бы... Какой-то Горохов...

— Совсем заврались... — Жену душил кашель.

Адвокат был подавлен. Последняя надежда — этот маленький огонек — погасла. Немело в руках, в ногах, а от сердца отступила кровь. Со свистом в ушах улетало далеко-далеко неуклюжее прошлое с любовью к тому, что он отныне возненавидел.

Дожить бы до того времени, когда чужаками в этой системе станут все эти непотопляемые прохиндеи, всякие сторышевы и иже с ними.

